НЕОБЫЧАЙНАЯ ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АРИСТАРХА ОРЛОВА

БОРИС БАШИЛОВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В СТРАНЕ ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНА

РЕГЕНСБУРГ

НЕОБЫЧАЙНАЯ ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АРИСТАРХА ОРЛОВА

БОРИС БАШИЛОВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В СТРАНЕ ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНА

РЕГЕНСБУРГ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая: о событиях, происшедших в первый день нашего прибытия в Харбин. . . . 7

Глава вторая: о святом, укравшем золотые часы. . . . 18

Глава третья, в которой Аристарх сообщает пану Домбровскому о том, какая реклама была в Финикии, Вавилоне, Древнем Египте и Риме. . . . 24

Глава четвертая, в которой выясняется — поумнело ли человечество после смерти Эразма Роттердамского. . . . 28

Глава пятая, в которой Аристарх рассказывает шахматисту из Марселя историю шахмат в России и о кое-каких фактах из истории Европы . . . 32

Глава шестая: о чем можно говорить, не боясь быть опровергнутым. . . . 41

Глава седьмая: о человеке, рассердившемся на Чарльза Дарвина за то, что он верил в Бога. . . . 45

Глава восьмая: о том, как Сусанин спас нас с Вавилоновым от грозившей нам опасности, и о том, что сказал Тукугава о соловье, который перестал петь. . . . 48

Глава девятая: о том, что сказал о романтике Амброз Бирз, автор «Словаря Сатаны», и что мы узнали от Алексея Сусанина. . . . 52

Глава десятая: о том, что произошло в японском кабачке «Хакодате», в который мы перешли из ресторана «Фудзи-Яма». . . . 59

Глава одиннадцатая, в которой Аристарх излагает свою точку зрения на ближайшее будущее человечества. . . . 64

Глава двенадцатая, из которой становится известным, что, заснув в императорской России, я проснулся в Р.С.Ф.С.Р. . . . 73

Глава тринадцатая: о том, есть ли у грибов глаза, и что написал Бердяев в «Философии неравенства» о воле наций. . . 78

Глава четырнадцатая: о том, как Фатьма пыталась пробудить меня от летаргического сна. . . . 82

Глава пятнадцатая, в которой описывается мое пробуждение и моя дальнейшая судьба до встречи с Аристархом Орловым, на побережьи Берингова пролива. . . . 85

Глава шестнадцатая, в которой описывается прибытие Аристарха Орлова с Аляски на Чукотский полуостров и о том, как он стал королем чукчей. . . . 89

Глава семнадцатая, в которой объясняется, как Аристарх Орлов отправил старого короля чукчей Нувата в страну Творца мира. . . . 98

Глава восемнадцатая: о том, что делал Аристарх, когда мы жили в Земле Смерти на реке Омолон. . . . 102

Глава последняя, в которой мы оказываемся на пороге какой-то новой тайны . . . 108

К ЧИТАТЕЛЯМ

Читатель! В своих воспоминаниях о жизни и приключениях моего великого дру́га и учителя Аристарха Орлова я описываю события и факты, которые могут показаться тебе необычайными, и ты легко склонишься к мысли, что это все — неудачная выдумка автора, лишенного чувства меры.

Читатель, предостерегаю тебя от столь поспешных и легкомысленных выводов. Все, о чем повествуется в моих мемуарах, происходило на сей бренной земле, все факты, о которых упоминается — верны.

Ты можешь сомневаться, был или нет Аристарх Орлов королем чукчей в Советском Союзе, но это не может изменить того факта, что он им был.

Ты не веришь, что Аристарх Орлов знает 74 языка?—Это твое дело. Но если ты наведешь справки у немецких лингвистов, то узнаешь, что тот немецкий лингвист, которого я называю Карлом Вальсдорфом, действительно знал 48 языков и наречий. Если немецкий лингвист мог знать 48 языков и наречий, то почему русский не может знать боль-

ше? Так и во всех случаях. Многое из описываемого мною смахивает на фантастику, но ведь многие из фактов, описываемых мною, продиктованы человеческой глупостью. Человеческой же глупости, а особенно коллективной глупости человеческой, нет предела.

Незабвенный автор «Похвалы глупости» Эразм Роттердамский хорошо понимал это и еще несколько веков тому назад сказал:

«Все в мире имеет пределы, беспредельна только человеческая глупость».

Харбин — 1928 г. — Мюнхен — 1948 г.

Б. Башилов

Поскольку большинство лиц, о которых упоминается в мемуарах, живы, то фамилии, конечно, изменены.

Глава первая

О событиях, происшедших в первый день нашего прибытия в Харбин

«Все мы актеры в театре Господа Бога».
Н. Гумилев

Великолепным солнечным утром 16 мая 1928 года мы с Аристархом Орловым нелегально перешли в районе озера Ханко границу Советского Союза и Манджурии. Спустя неделю, на рассвете 23 мая, Аристарх Орлов, я и примкнувший к нам знаменитый охотник на тигров Иван Вавилонов шли уже по улицам Модягоу, китайской части Харбина. Времени на переход из социалистического мира в капиталистический потребовалось мало, но зато потребовалось очень много нервов.

На советской стороне границы нам пришлось выдержать семичасовую перестрелку с одиннадцатью пограничниками. На манджурской — мы попали в плен к хунхузам.

Каким образом Учитель сумел договориться с предводителем шайки, огромным манджуром, носившем пышное имя «Тигра Сунгари» и тот отпустил без выкупа не только нас, но и томившегося в плену уже четыре

месяца Ивана Вавилонова, я не понимал до той поры, пока Аристарх не открыл мне в Шанхае тайну людей бриллиантов. Должен признаться, что вид у всех троих в момент появления в Харбине был более, чем непрезентабельный.

Аристарх, Иван Вавилонов и я были одеты в рваную, изношенную до предела одежду китайских кули, которую нам дали хунхузы взамен отобранной.

На ногах у нас были улы из невыделанной коровьей шкуры. Ватные брюки и куртки из синей дабы имели бесчисленные малые и большие дыры, из которых торчали клочья серой, свалявшейся ваты.

В таком виде мы начали свою жизнь в Харбине, в дальнейшем столь богатую успехами

Аристарх привел нас к подъезду фешенебельного отеля «Ориент» в Новом Городе и, попросив подождать, скрылся в подъезде. Иван Вавилонов почесал затылок и спросил меня:

Как ты думаешь, Платон, через сколько секунд Аристарх будет выкинут из отеля?

— С Аристархом этого не произойдет, будь уверен

А я держу пари на первые десять заработанных мной иен, что не пройдет и 10 секунд, как Аристарх будет выкинут на панель.

— Принимаю пари.

И пари я, конечно, выиграл.

Через десять минут мы находились уже в комфортабельно обставленном номере, имевшем три комнаты и ванную.

Когда, приняв ванну, мы снова собрались вместе, Иван Вавилонов выразил сомнение, что мы сможем оплачивать столь роскошное помещение.

Учитель посмотрел в упор в глаза Вавилонова и сказал ему тоном, недопускающим возражения:

— Милый друг, добывание фен, сен, иен, даянов и прочих денежных знаков, пользующихся вниманием во владениях Чжан-Цзо-Лина, я беру на себя. Я вижу, что твои глаза покрылись плесенью малодушия. Посему я позволю себе напомнить тебе мой жизненный девиз, являющийся одновременно девизом всех моих друзей .

Нахмурив свои густые брови, не спуская глаз с Вавилонова, Аристарх медленно продекламировал четверостишие великого Гете:

Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен.

Продекламировано это было Учителем с таким воодушевлением, такая железная воля звучала в его голосе, что Иван Вавилонов почувствовал наверно себя в положении гим-

назиста первого класса, у которого бы во время вдохновенного рассказа учителя греческого языка об одиннадцатом подвиге Геракла из парты внезапно выпала на пол бутылка водки и кусок чайной колбасы.

Продекламировав четверостишие Гете, Аристарх подошел к окну. Пока Учитель стоял у раскрытого окна, в которое врывались истошные вопли китайских разносчиков, Вавилонов молчал, стараясь не смотреть на меня. Он чувствовал себя преотвратительно, понимал, что допустил непростительную глупость по отношению к себе и величайшую бестактность по отношению к Аристарху. А что, господа, на свете может быть мучительнее сознания только что совершенной глупости? Тягостное молчание нарушил Аристарх. Подойдя к Вавилонову, он сказал своим обычным задушевным голосом, трогающим до глубины души:

– Дорогой друг, уверен, что мне больше никогда не придется вам напоминать о девизе, которому при всех жизненных ситуациях должны следовать те, кого я считаю своими друзьями. Если ты будешь верить, что на свете нет ничего невозможного для человека с твердой волей, то добьешься своего. Никогда не малодушествуй, какую бы запутанную и сложную комбинацию не поднесла жизнь...

Большие голубые глаза Аристарха свети-

лись неизъяснимой мудростью понимающего сокровенные тайны бытия человека. На мужественном лице играла добрая улыбка.

Посмотрев каждому из нас в глаза, Учитель пошел в угол и стал развязывать старенькую чукотскую охотничью сумку из шкуры серебристой нерпы, единственное, что ему оставили хунхузы. Порывшись в ней, он вытащил небольшой сверток, завернутый в старый номер «Тихоокеанской звезды».

Когда Аристарх развернул газету, мы увидели четырехугольный кусок старой кожи.

— Вот, — помахав перед лицом Вавилонова куском вычутой кожи, с выдавленными на нем какими-то странными знаками, улыбаясь, проговорил Аристарх, — вот, малодушный, то, что позволит нам безбедно просуществовать первое время в Харбине, пока не прибудет из Сингапура человек-бриллиант № 7. Будут у нас и иены и доллары — любая валюта любой страны, которая нам потребуется.

Иван Вавилонов, за пять дней наших приключений в дебрях сунгарийской тайги не успевший составить себе ясное представление о необычайной личности и жизни Учителя, с недоумением и даже некоторым испугом смотрел на Аристарха. Тот, поймав его взгляд, весело рассмеялся.

— Не думай, что Аристарх Орлов сошел с ума, мой молодой друг. Это кожаные день-

ги, которые выпускала для туземцев Алеутских островов Российско-Американская компания*). Это большая редкость. Ни в Лувре ни в Британском музее нет ни одного экземпляра этих кожаных денег. Не позже, как сегодня вечером, мы с вами будем иметь приличную сумму.

А где вы их достали? — спросил Вавилонов.

— Эти деньги мне принесли чукчи, когда я был чукотским королем в СССР..

Аристарх подошел к ночному столику и нажал кнопку электрического звонка. Вошел бой китаец.

— Чего ваша господина хочет? — спросил бой

Учитель заговорил с ним по-китайски. Лицо боя сначала расплылось в улыбку, потом стало растерянным, как у человека, у которого только что сбежала обожавшая его жена, потом он снова заулыбался, почтительно слушая мурлыкающие звуки китайских слов, с необычайной легкостью вылетающих из горла нашего великого друга. Потом, сделав нам прощальный жест, Учитель исчез в открытую боем дверь.

Вид у Вавилонова был мрачный и напря-

*) В ведении Российско-Американской Компании находилась вся Русская Америка и Алеутские острова.

женный, он о чем-то мучительно размышлял. Передернув плечами, он взволнованно сказал

Вот въехали в грязную историю. Залезли в великолепный отель, денег ни копейки и вождь вдобавок с ума спятил. Везет нам, как человеку, который собственное ухо откусил. Он давно уже рехнулся или только после того, что мы пережили у хунхузов?

Вавилонов, — с трудом сдерживая негодование, перебил я. — С людьми, которые отзываются об Аристархе Орлове даже с тенью недоброжелательности, я поступаю обычно всегда одинаково. Чтобы не затевать с ними скандала, я выбрасываю их в окно, независимо от того, на каком этаже происходит разговор. За время моих скитаний по белу свету с Учителем, у меня было семнадцать таких случаев. С тобой может произойти восемнадцать.

Вавилонов вскочил с кресла.

— Ты, ты, — задыхаясь от гнева, с трудом проговорил он, — ты забыл, мой милый мальчик, что я считаюсь лучшим охотником на тигров в Уссурийской тайге. Если ты еще тоже не вообразил себя каким-нибудь королем, то я прошу не забывать, что мной убито двадцать семь манджурских тигров, и что я хожу охотиться на тигров один.

— Тем не менее я оставляю мое предупреждение в силе, — сказал я, с трудом со-

вобождаясь от железных рук Ивана. — То, что тебе кажется странным в поведении Учителя, есть только результат того, что ты еще не понял, с каким человеком имеешь дело. То, что кажется тебе странным и непонятным в его поведении, есть результат его гениальности. Судьба гениев быть непонятыми современниками. Люди же, которые признаются гениями при жизни, и которым еще при жизни ставятся памятники, обычно не имеют памятников после смерти. Ты имел счастье встретиться с умнейшим и благороднейшим человеком нашего времени. Цени это и относись снисходительно к его маленьким слабостям и постарайся почерпнуть крупицу его мудрости.

Вавилонов, опускаясь в кресло, презрительно хмыкнул.

— Да, но этот гений изволил заявить, что он был чукотским королем. Как мне известно, чукчи живут в такой стране, где не может быть и речи о каких-нибудь королях.

— Тем не менее он был чукотским королем именно там. Он был королем всех неясачных чукчей*) больше года. Он перестал им быть только полтора месяца тому назад.

---

*) Не-ясачные чукчи — чукчи, не платившие ясак (подать) царю, и имевшие своего вождя.

— Я хотел бы, все-же, услышать некоторые подробности.

Ты их услышишь позже, когда придет время.

— Откуда Аристарх знает китайский язык?

Наивность Вавилонова вызвала у меня пароксизм смеха, я дохохотался до того, что слезы выступили на глазах.

— Ну, — насмешливо сказал Вавилонов, когда я успокоился, — может теперь ты объяснишь мне причину твоего идиотского смеха. Я подозрительно отношусь к оптимистам. Из любого курса психологии для средних школ известно, что самые веселые люди круглые кретины. Они смеются целый день.

— Спасибо за тонкий комплимент. Но тем не менее я смеялся не без причины.

— Интересно, что-же это за причина? — иронически спросил Вавилонов.

— Тебя удивляет, что Учитель говорит по-китайски? Милый друг, это — великий лингвист мира. Карл Вальсдорф, немецкий лингвист, знает 48 языков и наречий. Учитель знает на двадцать шесть языков более, чем Карл Вальсдорф. Он знает шесть языков сибирских племен, которых не знает Карл Вальсдорф, шесть языков негритянских племен, семь языков индейских племен Латинской Америки и семь языков племен Новой Гвинеи, Полинезии и Меланезии, которых не знает Карл Вальсдорф. Только, с присущей

ему скромностью, он не желает афишировать свои знания. Учитель окончил московский, берлинский и сорбоннский университеты, семь факультетов в общей сложности. Он обладает изумительными познаниями во многих областях современного знания, у него всеобъемлющий ум и потрясающая память. Знания, которые содержатся в голове Аристарха, не уложатся в половину томов британской энциклопедии. Это — Аристотель наших дней, по капризу судьбы родившийся в заимке семиреченского казака у подножья Тянь-Шаня. Как же не смеяться над тобой, когда, имея счастье быть с этим человеком, ты приходишь в изумление, когда он говорит на китайском языке, одном из 74 живых и мертвых языков, которыми он владеет в совершенстве, как родным русским.

— Да, но этого я не знал, — сконфуженно пробормотал Иван, почесывая ухо. — Платон, а о каком это человеке-бриллианте упоминал Орлов?

Я только хотел ответить Вавилонову, что о человеке-бриллианте я сам слышу в первый раз, как открылась дверь и в номер вошел Учитель, а вслед за ним незнакомый мужчина одинакового возраста с Аристархом. Мужественное, красивое лицо его, дышавшее энергией, было покрыто темнокоричневым загаром, зеленоватые глаза выражали недюжинный ум и твердую волю. От правого

уха к крутому широкому подбородку шел шрам от полученного когда-то удара саблей.

— Знакомьтесь, друзья мои, — со своей обычной обворожительной улыбкой проговорил Учитель, положив на стоящий посреди номера круглый стол сверток с покупками. — Это Алексей Сусанин, в прошлом офицер российского флота, вождь одного из племен Тибета, прекрасный знаток географии, флоры и фауны Центральной Азии. Он только два дня тому назад приехал в Харбин из Лхассы. Мы с ним старые знакомые, и я прошу вас доверять ему во всем, как и мне. Наш новый друг знает Манджурию, Корею, Китай и Тибет, как свои родные Командорские острова, на которых он появился на свет. Он нам будет полезен, пока мы будем жить в стране Чжан-Цзо-Лина.

Глава вторая
О святом, укравшем золотые часы

По правде сказать, когда Аристарх и Алексей Сусанин вышли в соседнюю комнату, лицо Вавилонова имело такое растерянное выражение, что мне стало жаль его.

Да, и действительно, постарайтесь представить себя на его месте. За несколько часов Вавилонову пришлось узнать столько удивительных новостей, что поневоле растеряешься.

Посудите сами! Кожаные деньги. Чукотский король. Знание Аристархом 74 языков. Появление русского-вождя одного из тибетских племен. Упоминание о каком-то человеке-бриллианте.

Такое сплетение событий на протяжении двух часов может вывести из душевного равновесия даже охотника на тигров, обладающего железными нервами.

Я подошел к Вавилонову, свертывавшему папиросу из крепкого манджурского табака, и сказал:

— Иван, если ты захочешь остаться с нами вместе, то тебе придется еще много, много раз испытывать большое удивление и быть свидетелем неожиданных вещей. Правда, на первый раз ты получил слишком сильную порцию. Я думаю, что лучшим средством разогнать твое плохое настроение, явилось бы

посещение хорошего ресторана, сытный ужин и несколько рюмок рисовой водки. Это сумеет вернуть тебе твое обычное спокойствие

Иван Вавилонов, надо вам сказать, обладает преочаровательным характером, как все истинно-отважные люди. Он всегда крайне добродушен, уравновешен и жизнерадостен.

При моем предложении морщины на лбу у Вавилонова разгладились, в углах рта заиграла улыбка.

— В ресторан бы сходить, Платон, конечно, хорошо, — проговорил он — а пару рюмок хаишина пропустить невредно, да, но откуда взять на это денег? У меня, ведь, друже, ни единой сены в кармане.

— Я рассчитываю получить деньги от Аристарха.

— Да, ведь у него хунхузы тоже все карманы вывернули.

—Нет, у него теперь наверняка деньжишки завелись, ты его еще не знаешь. Он или кожаные деньги антиквару продал или у Алексея Сусанина занял.

— Ну, тогда дело ясное, что дело темное, — обрадованно сказал, вставая с кресла Вавилонов.—Знаешь что, Платон, пойди-ка ты к Аристарху, да позови его и Сусанина. Ведь мы со вчерашнего полдня ничего не ели.

...Аристарха Орлова, в каком бы месте он не появлялся, всегда моментально окружали люди, жаждущие получить от него ответы на интересующие их вопросы.

Каким образом все эти бесчисленные посетители и посетительницы, осаждавшие Учителя с утра до вечера, узнавали о его прибытии, это до сих пор остается для меня тайной. Могу только поручиться собственной головой, что сам Аристарх никогда не делал никаких попыток тем или иным способом заявлять о своем прибытии. Он был чужд всяческого честолюбия и тщеславия и не делал ничего, чтобы выделиться из толпы.

Но обаяние его могучего интеллекта и нравственной чистоты на окружающих было настолько велико, что он мгновенно побеждал их умы и сердца. Люди тянулись к нему, как тянутся к солнцу бледные, лишенные света стебли картофеля, выросшие во тьме сырого темного подвала.

Когда однажды я спросил Аристарха, зачем он тратит столько времени на удовлетворение праздного любопытства глупых и недалеких людей, он ответил мне следующее:

— Один из наиболее человечных философских умов всех времен — Федор Достоевский высказал однажды мысль, что красота спасет мир. Я думаю, что Достоевский сказал только треть истины. Умирающая в

ужасных муках Прометеевская культура запада прожила два тысячелетия под знаком интереса к материализму, под знаком торговли, грабежа и войны. Мир может быть спасен только увеличением в нем красоты, добра и любви. Если триадой умирающего мира была «Война, Торговля и Грабеж», о которых Гете так хорошо сказал, что они триедины, то триадой нарождающегося мира или будет «Красота, Добро и Любовь» или вообще никакого ни старого, ни нового мира не будет, а наступит хаос, новое средневековье, в результате которого человечество будет отброшено на века назад.

Красота родит Любовь. Любовь родит Добро. Иногда Добро создает Красоту, а Красота порождает Любовь. Иногда Любовь рождает и Красоту и Добро вместе. Добра, как можно больше добра! Вот в чем больше всего нуждается современное человечество. Оно погибает сейчас от уменьшения количества добра, без которого люди не могут жить, как без воздуха... Малое, ежедневное, незаметное добро более необходимо, чем большое. Без большого добра проживут люди, без малого —нет. Чем дарить городу небоскреб перед смертью, лучше в течение жизни накормить 100 голодных и вызвать улыбку на устах ребенка. Современное человечество погибнет не от недостатка большого, а от недостатка малого добра.

— Ты скажешь, Платон, что это трюизм, пустое место. Нет, это великая истина, которая, как все великое, открыта взору только немногих. Средний человек падок на яркое и красочное и игнорирует то, что не блестит. В этом отношении он равен детям и обезьянам. Средний человек равнодушен к мелочам, он не умеет делать из них выводы. А тот, кто не умеет делать выводы из мелочей, неспособен различать мелочь от истины, истинную истину от ложной истины, а значит, он неспособен понимать высокие проблемы.

Почему я трачу столько времени на удовлетворение праздного любопытства людей? Это не так. То, что кажется праздным тебе, для другого является смыслом жизни. В одном случае я избавляю человека от сомнений. В другом—я указываю, где истина, где ложь, в третьем — даю полезный совет, в четвертом — убеждаю в ошибочности существующих взглядов. Уже тысячам людей я указал тропинки к добру, красоте и любви.

Привычка к злу, выработанная тысячелетиями, прожитыми в зле, крепко держит людей. Как об этом чудесно сказано Шекспиром в «Гамлете»:

„Привычка — чудовище,
Она, как черный дьявол,
Познание зла в душе уничтожает".

— Борьба, борьба, борьба с привычным злом — вот что нужно сейчас, больше всего.

...Я вспоминаю эти слова Аристарха потому, что, когда я зашел в занятую Аристархом комнату, там находилось уже несколько посетителей.

Прощаясь с какой-то молодой русской девушкой, Аристарх сказал ей:

— На последний же Ваш вопрос я могу Вам сказать, что Леонид Андреев несколько упростил тему и тем самым снизил вину всех тех слепцов, которые по чужой указке работали над разрушением величайшей империи мира.

Незадолго до смерти Леонид Андреев написал: «Святыни революции опоганены. Наш Святой[1]) пришел и украл золотые часы". О, если бы только золотые часы, сударыня! Золотые часы можно или снова купить или обходиться с помощью никкелевых. Революция украла у нас нечто большее... Революция украла у нас.... Россию.

— То, что создатели большевизма не желали зла людям, ни в коем случае не оправдывает их. Один добрый может сделать больше зла, чем десять злых. Ложная идея во имя добра всегда принесет больше зла, чем сто злых идей.

---

[1]) Под Святым Леонид Андреев понимает идола русской радикально настроенной интеллигенции — социальную революцию.

Глава третья

В которой Аристарх сообщает пану Домбровскому о том, какая реклама была в Финикии, Вавилоне, Древнем Египте и Риме

В комнате, кроме девушки, находилось еще трое посетителей. В кресле около окна сидел сухопарый старик. Узкие, медвежьи глазки его были преисполнены подозрения ко всему окружающему.

На стоявшем около двери кожаном диване сидели двое: франтоватый молодящийся француз, читавший номер „Матен" и через каждые десять минут рассматривавший себя в висевшем напротив трюмо, и толстяк, имевший не менее семи пудов веса. Достаточно было взглянуть на длинные, густые чернобурые усы, свисающие до половины груди толстяка, на его спесивый, заносчивый вид, чтобы понять, что владелец роскошных усов несомненно является сородичем автора «Камо грядеши» Сенкевича и спасителя Вены от турок, Яна Собесского.

— «Что вас интересует, ясновельможный пан? — спросил Аристарх после того, как могучие легкие нового клиента, имевшего не менее ста килограмм веса, перестали издавать звуки, похожие на те, которые издает мотоцикл, обладающий упрямством испанского мула.

— Я пишу «Историю рекламы с древней-

ших времен» и мне бы хотелось познакомиться с образцами рекламы в Египте, Вавилоне и Риме. Была ли там реклама? Если нет, то почему, а если была, то покорнейше прошу ясновельможного пана дать соответствующие образчики рекламы древних.

— Вам нужно много примеров или вы хотите только несколько наиболее ярких? — спросил Аристарх.

— Только несколько, — задышав, как спускающий пары локомотив, сказал пан Домбровский — ровно столько, чтобы придать ученый характер моему труду.

— Записывайте, — сказал Аристарх.

Пан Домбровский, с живостью, необычайной для его семипудовой комплекции, растегнул сиреневый пиджак и извлек из кармана записную книжку, размером немного меньше гроссбуха.

— Как сообщает Геродот, — начал диктовать Аристарх —финикийские купцы, подойдя на кораблях к берегу, населенному варварами, раскладывали большие костры, дым от которых извещал аборигенов страны о прибытии кораблей с товарами. В Ассирии и Вавилоне место, где продавался скот и рабы, отгораживалось специальными знаками. В 3520 году до Рождества Христова один торговец слоновой костью в Мемфисе дал такую рекламу:

«Дешев, очень дешев в этом году благород-

ный рог исполинов девственных лесов и долин Эксхто. Идите ко мне, жители Мемфиса, подивитесь, полюбуйтесь и купите».

Подождав, пока Домбровский кончил записывать объявление мемфисского купца, Аристарх продолжал:

—В берлинском музее на стенках саркофага египетской мумии содержится следующая надпись:

«Рабинес Клеос отдыхает здесь от морских походов. Жизнь его была восемьдесят семь весен и один период дождей. Он был двести первым, которого Ромос положил в сей искусно изготовленный саркофаг, и радость была скорбящим о покойном от таких роскошных похорон».

Затем учитель продиктовал содержание рекламы о бое гладиаторов в помпейском цирке, написанное за месяц до гибели Помпеи:

«Если позволит погода, гладиаторская труппа Эдила Светия Церти даст бой в Помпее». «В августовские календы (30 июля) травля редких зверей. Над трибунами будет растянут опрыскиваемый тент"...

— Довольно, довольно — сказал Домбровский. — И так все остальные составители учебников по рекламному делу лопнут от зависти. Я только бы хотел задать вопрос, в чем вы видите прогресс в рекламе от времен Вавилона до сегодняшнего дня?

Аристарх поморщился, точно принял двойной порошок хинина.

— В вашем вопросе, пан Домбровский, много чувства самомнения, характерного для современных людей, неизвестно почему считающих, что наша эпоха самая культурная и цивилизованная. Современная реклама разделяет судьбу всего современного: много шума, крика, лжи и лицемерия, а если взглянуть в основу ее, так это тот же самый дым, которым финикийские купцы привлекали внимание варваров к привезенным ими безделушкам. Сила древних — в богатстве чувств и искренности, сквозящих во всем. Разве объявление египетского торговца слоновой костью из Мемфиса, составленное свыше пяти тысяч лет назад, не напоминает «Песнь Песней» Соломона из Библии? Разве не звучит в нем восторг и преклонение перед многообразием мира, и разве в наше прозаическое, изолгавшееся время гробовщик положит в изготовленный им гроб такую вдохновенную рекламу-эпитафию, которую положил в гроб финикийского мореплавателя Рабинеса Клеоса египетский гробовщик Ромос?

Домбровский промычал в ответ что-то невразумительное и, поднявшись с кресла, запыхтев, тронулся к двери.

Глава четвертая

В которой выясняется, поумнело ли человечество после смерти Эразма Роттердамского

Когда поляк ушел, сидевший в кресле у окна злобный старичек вскочил с необыкновенной для его возраста прытью и заявил.

—Я —архивариус правления К.В.Ж.Д. На днях я заканчиваю свою книгу о благодетельном влиянии Китайско-Восточной дороги на нравственность манджур.

— Вы давно уже пишете свою книгу? — любезно спросил Аристарх.

— Восемнадцатый год, — гордо ответил старец, окидывая подозрительным взглядом осмотревшегося снова в зеркало француза.

— Чем бы я мог быть полезен?

— Я хочу узнать, какой ученый, где и когда нагло утверждал, что те, кто станут ездить по железным дорогам будут получать сотрясение мозга.

Задавая эти вопросы Учителю, старичек бегал по комнате и плевался, как рассерженный туркменский верблюд.

—Я не верю, — кипятился он, бегая проворно по кабинету — что нашелся хоть один ученый, который мог сказать такую глупость. Я не верю, чтобы люди могли быть так глупы.

— И совершенно напрасно, — добродушно заметил Аристарх. — Уже тот факт, что люди

дошли до современного состояния, наглядно убеждает, что люди в массе беспредельно глупы. Немцы по этому поводу говорят: Narren wachsen unbegossen. — «Дураки родятся без поливки». Дурак прежде всего тот, кто думает, что на свете мало дураков. Эразм Роттердамский, написавший „Похвалу Глупости» уже четыреста лет назад, ясно понимал это. Так было, так и есть. Большинство людей подобно сосискам. Только в старину сосиски набивали мясным фаршем, а в нынешнее время напихивают гороховой мукой и разными суррогатами.

— Да, дураков, конечно, много, — сердито закончил старичек, бежавший в этот момент от двери обратно к письменному столу. — Я это понимаю. Но неужели Вы берете смелость утверждать, что дураки встречаются даже среди ученых?

— Даже чаще, чем среди необразованных.

— Что Вы этим хотите сказать? — прошипел старичек, как кобра, причислявший себя, вероятно, тоже к двигателям прогресса.

— Я сказал уже то, что хотел сказать, — не теряя ему всегда присущего равновесия духа, ответил Учитель.

— Я хочу только подтвердить свои слова несколькими фактами: Галлилей, как Вам известно, был принужден отречься от своей гипотезы, что земля имеет круглую форму. Христофора Колумба, профессора Саламан-

ского Университета, спрашивали: «что же, значит, по Вашему мнению, люди на другой стороне земли кверху ногами ходят?"

На заседании Британского Королевского Общества заявление Вениамина Франклина об открытии им атмосферного электричества ученые мужи встретили хохотом. Гальвани его ученые коллеги прозвали «лягушачьим танцмейстером».

Сообщение Лавуазье об открытии им в воздухе азота и кислорода было встречено с негодованием. Когда Эдиссон демонстрировал в Парижской Академии Наук изобретенный им фонограф, академик Буйо заявил, что он шарлатан-чревовещатель.

— Вы, значит, хотите сказать, что прогресс науки и техники не влияет на развитие умственных способностей? — спросил старичек, с подозрением вглядываясь в невозмутимое лицо Учителя. Да Вы, сударь, наверное, масон или коммунист.

— Да, я считаю, что «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского нуждается в солидном дополнении случаями человеческой глупости, происшедшими после смерти Эразма Роттердамского. Это была бы любопытная книга. Из нее можно было бы узнать, как один ученый дурак, родом немец, написал книгу: „О вере ребенка в утробе матери". Как один француз в объемистой книге доказывал,

что Наполеон вообще не жил, а это аллегория

Один ученый предложил пробуравить земной шар, чтобы по сооруженному сквозь земной шар туннелю скорее достигать антиподов. И в наше умное время не нашлось ни одного дурака, который бы воскликнул: «А король то гол!». Нет, предложение сего безумца было воспринято с восторгом, как новое свидетельство бесконечности прогресса. Немедленно создалось акционерное общество, которое решило снять в аренду Везувий и через его кратер начать вести туннель.*

Этот пример, как видно, убедил старца.

— Вы считаете, что были ученые, которые утверждали, что те, кто будут ездить по железным дорогам, будут получать сотрясение мозгов? — спросил озадаченный старичек.

— Я Вам могу сообщить фамилию этого ученого, —сказал Аристарх. Это заявил в 1827 году Эргард Шпурре, профессор Мюнхенского Университета.

Старичек мгновенно заулыбался, перестал шипеть и оплевывать лежавший на полу кабинета ковер.

—Я так и знал, что это немец придумал. Ну, теперь я его распотрошу! —Пожав торопливо руку Аристарху, он мелкими шажками побежал к двери.

---

* Все факты, упомянутые в этой главе, не выдуманы.

Глава пятая

Аристарх рассказывает шахматисту из Марселя историю шахмат в России и о кое-каких фактах из истории Европы

После исчезновения из комнаты архивариуса француз отложил в сторону номер «Матен» и, пригладив в пятнадцатый раз перед трюмо свои нафиксатуаренные височки, с учтивым поклоном любезно заявил:

— От своего друга м-сье де Монпансье, с которым м-сье Аристарх Орлов в свое время учился в Сорбонне, я очень много слышал о необыкновенных познаниях м-сье Орлова. Поэтому я льщу себя надеждой, что м-сье не будет жесток ко мне и поделится своими знаниями по истории шахматной игры в России. Я, м-сье, собираю материалы для книги «История шахматной игры на востоке».

— Есть две теории появления шахмат в России,— выслушав м-сье Лувуа, сказал Аристарх. По первой из них, шахматы попали к нам через тевтонских рыцарей. По другой— непосредственно с Востока, из Азии. Первая гипотеза, по-моему, несостоятельна. Вы спросите, естественно, почему? Да потому, что фигуры шахмат в старину в России имели восточные названия. Королева в старину русскими называлась ферзем. Ферзь же, по-персидски, означает предводитель войск. В Европе же ферзь называлась

королева или просто дама. Русское название шахматной игры тоже чисто персидского происхождения. Шахматы, или «шах мат», означает по-персидски — «король умер».

Шахматист, наслаждаясь, шевелил рыжими усиками, как кот, нализавшийся вдоволь сметаны в чулане.

— Что тебе нужно Платон? — прерывая рассказ, спросил меня учитель.

— Я хочу предложить Вам кое-что.

— Подожди, я сейчас кончу.

Я присел на одно из кресел. Я не принадлежу к числу заядлых шахматных игроков, но, зная изумительные познания Аристарха во всех областях жизни, я был уверен, что узнаю о появлении шахмат в России не мало занимательного. И не ошибся.

— Да, русское название игры шахматы явно персидского происхождения. Оно не имеет ничего общего с названиями шахматной игры в странах Европы. В Англии шахматы называются «чес», во Франции—«эшек» в Германии - «Шахшпиль». Вероятнее всего, русские познакомились с шахматами через татар, после нашествия полчищ Батыя на Киевскую Русь. Во время татарского ига русские князья ездили за ханскими ярлыками в Золотую Орду. В ханской ставке они, наверное, и познакомились с этой игрой, которая затем и распространилась среди русской знати, а затем и в простонародьи. Но восточные

правила игры в шахматы, применявшиеся ранее в России, отличались от тех, которые существовали в Европе.

— Как широко были распространены шахматы в России? — спросил марсельский шахматист, неизвестно каким ветром занесенный в Харбин, ерзая от нетерпения на кресле.

— В своих «Записках о Московии XVI века» англичанин Гарсей сообщает о смерти Иоанна Грозного во время игры в шахматы. По свидетельству Гарсея, одним из постоянных партнеров Иоанна Грозного был глава знаменитых опричников Малюта Скуратов. Свидетельство Гарсея было использовано известным русским поэтом и писателем А. К. Толстым в трагедии «Иоанн Грозный», в которой изображена смерть Иоанна Грозного во время игры с боярином Бельским.

— Ах, как все это романтично, —закатывая глаза, сказал марсельский шахматист. — Иоанн Ужасный!. Эти непревзойденные злодеи опричники!.. Эти русские бояре в собольих шубах, которые едят куски горячего самовара, намазанного восхитительной русской паюсной икрой! Эта трагическая смерть за шахматной партией.

— Прозвище Иоанна Грозного неверно переводится на французский и другие иностранные языки, — вежливо поправил марсельца Аристарх. — Эпитет «Страшный» вовсе не передает смысла слова «Грозный».

Непревзойденные злодеи-опричники, м-сье Лувуа, были не более жестоки, чем члены светлейшей инквизиции, действовавшие в современной Иоанну Грозному Испании.

Многое из того, что известно на западе о Иоанне Грозном — басни иностранных летописцев. Так, например, некие Таубе и Краузе, немцы родом, повествуя о зверствах Иоанна Грозного в Новгороде, указывают, что Псков находится на берегу.... Волги.

Может быть Краузе и Таубе так же близки к истине и в других случаях. Иоанн Грозный — сын своего жестокого времени.

В двадцати государствах Европы, во времена Иоанна Грозного, правители государств относились не лучше к своим подданным, чем Иоанн Грозный.

— О, м-сье, нет, Вы пристрастны к Европе, — запротестовал шахматист. — В Европе никогда не видели таких ужасов, как в России при Иоанне Грозном.

— Нет, европейцы всегда пристрастны к России, а не мы. Ни у одного народа нет такого свободного от пристрастия взгляда на историю и культуру соседних народов, как у русских. Прочтите, м-сье, о том, что творилось в Италии во времена Борджия. Перелистайте саркастические донесения венецианского посланника Джустиньяни или циничные мемуары Бенвенуто Челлини. Возьмем, м-сье, самый цивилизованный, самый утон-

ченный двор Италии в Ферраре. А разве не в Ферраре кардинал Ипполит Д'Эсте приказал вырвать в своем присутствии глаза родному брату?

А шведский король Эрик XIV и его Малюта Скуратов — Петерсон. В 1520 году в один день в Стокгольме были убиты по приказу короля 94 епископа, сенатора и патриция.

А если бы Вам, м-сье, пришлось побывать в Лондоне во время царствования Генриха VIII, то, пороходя по единственному тогда мосту через Темзу, вы бы увидели на решетках моста гниющую голову Рочестерского епископа Фишера.

А Варфоломеевская ночь во Франции? А разгром Льежа Карлом Смелым.

А 20.000 жителей Гаарлема, переколотых своим герцогом?

— М-сье, вы слишком пристрастны к истории Европы, — запротестовал марселец.

— Нет! Это европейские историки и все европейцы слишком пристрастны к истории России, — непоколебимо заявил Аристарх.

— В заключение позвольте мне, м-сье, напомнить только несколько строк из восьмого тома «Истории Франции» Мишле: «... Самое ужасное в этом уничтожении целого племени было то, — пишет Мишле — что это не было резней после приступа, яростью победителя, а длительной экзекуцией. Находящихся в домах людей сторожили, до времени

охраняли, а затем, по порядку, методически бросали в Мезу. Прошло три месяца, а людей все топили...“

— Когда Вы вернетесь в родной Марсель, м-сье, раскройте восьмой том Мишле на сто сорок восьмой странице, и Вы увидите, что я цитирую совершенно точно. У меня хорошая память на такие факты, м-сье. Что же касается самовара, то его ни горячим ни холодным есть нельзя, это не пища, а прибор для кипячения воды.

— Ах, м-сье, — пробормотал сдавшийся марселец — история России такая трудная. В ней так трудно разобраться.

— История России не тяжелее, чем история любой европейской страны, — со своим обычным терпением повторил Аристарх — и в ней разобраться не труднее, чем в истории Франции. Не надо только «Ставить лампу под стол“, как гласит, м-сье, одна весьма хорошая французская поговорка. Но мы уклонились от темы. Какие бы сведения, м-сье, Вам хотелось еще получить для Вашей будущей интересной книги „История шахматной игры на Востоке“.

— О, мой учитель, — воскликнул польщенный шахматист.—А кто из них чаще выигрывал, Грозный или Скуратов? — с любопытством спросил он.

Я думаю, что Иоанн Грозный. С царями в шахматы надо играть тактично, чтобы гаран-

тировать себя от разных неприятностей. В этом отношении Иоанны Грозные, Филиппы Испанские и тираны Сиракузские мало чем отличаются от диктаторов наших дней. Они любят всюду и везде быть первыми, как в дипломатической игре, так и в шахматной.

М-сье Лувуа задал еще несколько вопросов

— Как относилось к шахматной игре русское духовенство?

— Митрополиты и другие высокие чины православного духовенства относились к игре в шахматы отрицательно. В своих проповедях и посланиях они ставили шахматную игру наравне с игрой в карты, пьянством, неприличными песнями и «бесовскими скаканиями», как в ту пору, на церковном языке назывались танцы. В Паисиевском сборнике, написанном в XIV-XV столетиях содержится, м-сье Лувуа, следующее указание: «Аще кто от клирик, или калугер (монах) или епископ, или провизор, или диакон играет шахматы, да извержется сана. Аще дьяк или простецы, да примут епитемию 2 лета, 10 хлеба, 10 воде... а поклона на день 200, понеже игра та от беззаконных халдей... да то прельщенье сатанино».

В написанном в XVI веке «Домострое» шахматы запрещаются наравне с обжорством, пьянством, скоморошеством, причем, по мнению автора, все играющие, вроде Вас, м-сье,

в шахматы люди, «все будут во аде, а здесь прокляты».

М-сье Лувуа поерзал в кресле и, расмеявшись, спросил:

— А когда в России исчезает отрицательное отношение к шахматам?

— В конце семнадцатого столетия, в первую пору царствования Петра Великого.

— Сам Петр Великий умел играть в шахматы?

— Он был таким же страстным почитателем шахмат, как и Вы, м-сье.

М-сье Лувуа расцвел.

— Расскажите мне об игре в шахматы при Петре Великом, — попросил он.

— На ассамблеях, заведенных Петром, шахматы были одним из главных развлечений. Лишь в эту пору начинают применяться европейские правила игры. Петр, научившийся игре в шахматы еще в юные годы, часто играл на ассамблеях с русскими и иностранными шахматистами. С того времени шахматы получают широкое распространение в России.

— Кто в XVIII веке был сильнейшим шахматистом России?

— Некто Амелунг, живший в Прибалтийском Крае. Он был учителем знаменитого сподвижника Екатерины Великой, Потемкина, который дня не мог провести без того,

чтобы не сыграть в шахматы. Всех лучших игроков он призывал к себе.

Поэт того времени, Державин, в своей оде на взятие русским полководцем Суворовым неприступной турецкой крепости Измаила «Росс в Измаиле» запечатлел эту страсть Потемкина в следующих словах:

Одной (рукой) он в шахматы играет,
Другой — народы покоряет.

Аристарх встал, давая понять чересчур разговорчивому шахматисту, что аудиенция закончена.

Рассыпаясь в шаблонных изъявлениях любезности, марселец, пятясь задом в коридор, покинул, наконец, номер.

Глава шестая

О чем можно говорить, не боясь быть опровергнутым

После ухода м-сье Лувуа Учитель спросил меня:

— Ты что хочешь, Платон?

— Мы с Вавилоновым хотели бы пойти в ресторан. Может быть, Вы и Сусанин также хотите пойти с нами?

Учитель оглядел меня и засмеялся:

— Вы думаете итти в европейский или в японский ресторан?

— В японский.

Учитель опять улыбнулся:

—Я думаю, Платон, что это совершенно бессмысленное предприятие.

— Почему же, — удивился я — что такое случилось? Что, сегодня забастовка официантов?

— Нет, но я думаю, что Вы и Вавилонов вылетите из дверей любого европейского, китайского или японского ресторана с быстротой, лишь немного уступающей быстроте пассажира, выпавшего из аэроплана.

— Но, почему же, — рассердился я. — Я не понимаю ваших загадок.

— Ах, Платон, Платон, — покачал головой Аристарх. — Ну, можно ли быть таким рассеянным. Ну, посмотрите на себя. Хороший огородник, жалея птичьи нервы, даже чуче-

ла такого на огороде не поставил бы, а ты в таком виде собрался итти в ресторан.

Я взглянул на клочья ваты, торчавшие из бесчисленных дыр и заплат моей куртки и брюк, и рассмеялся.

— Но что же делать?

— Пойти и сначала купить себе и Вавилову приличные костюмы.

Учитель подошел к ночному столику и, достав оттуда толстую пачку гонконгских долларов, подал ее нам:

— Подождите Алексея Сусанина. Он, я думаю, тоже захочет пойти в ресторан.

— А Вы?

— Я жду очень важной телеграммы из Сингапура. Затем я должен встретиться с одним человеком?

—В этом костюме? — съехидничал я.

— Нет, в другом, — спокойно возразил Аристарх. — Да, если я уеду, вместо меня остается Сусанин. Положитесь во всем на него. Это человек редкого ума.

Моя физиономия наверное имела весьма скептическое выражение, ибо Учитель счел нужным сказать:

— Это весьма талантливый и очень интересный человек. Во-первых, он командовал знаменитой психической атакой каппелевцев, которая увековечена в советском фильме «Чапаев», а, во-вторых, Алексей Сусанин—человек энциклопедия, в голове которого содер-

жится необозримое количество разнообразнейших сведений. Нет вопроса, на который он не дал бы немедленного и безукоризненно точного ответа

Со времени моей встречи с Аристархом Орловым на реке Анадырь, когда он был чукотским королем, после приключений, пережитых нами в верховьях реки Алдана, после необычайного съезда, происходившего в колонии прокаженных около Якутска, я стал верить ему во всем. Но на этот раз, я, сам не зная почему, усомнился.

— Учитель, — воскликнул я — не хотите ли Вы уж сказать, что знания Сусанина не уступают Вашим? Не будет ли этот Сусанин напоминать того американского вундеркинда, изображенного в одной из новелл О'Генри, который в любое время дня и ночи мог наизусть прочесть самый длинный стих из Библии, знал, сколько костей в передней ноге у кошки, мог перечислить адреса всех футбольных игроков в Америке

— Мой дорогой Платон! Скептицизм — вещь полезная, но я, по-моему, ни разу не давал тебе повода отнестись с недоверием к моим словам. Вундеркинд, о котором писал О'Генри, имеет такое же отношение к Алексею Сусанину, как рыбная малявка к гренландскому киту. Тот же самый О'Генри, как мне помнится, изволил выразиться однажды,

что есть только две вещи на свете, о которых можно говорить что угодно, не боясь быть опровергнутым: это то, что ты видел во сне, и что сказал тебе попугай, когда ты находился в комнате с ним наедине. Все остальное на свете можно оспаривать. Поэтому я не намерен вступать с тобой в спор. Придет время, когда ты сам оценишь Алексея Сусанина.

Глава седьмая

О человеке, рассердившемся на Чарльза Дарвина за то, что он верил в Бога

Уходя, я столкнулся с новым посетителем, угрюмым мужчиной, лет около сорока. Достаточно ему было разинуть рот, чтобы стало понятно, что это один из тех плебеев духа, которые составляют главную движущую силу большевизма, фашизма, национал-социализма и всех прочих современных измов.

Небрежно кивнув Аристарху головой, он сумрачно спросил:

— Вы господином Аристархом Орловым будете?

— Я.

— Правда, что Дарвин в Бога веровал?

— Правда.

— Дурак, — с раздражением сказал посетитель. — И человека от обезьяны произвел и в Бога веровал. Интеллигентная мразь.

— А вы, конечно, в Бога не веруете, — спросил Аристарх.

— Я изучил анатомию, а посему в Господа Бога не верую. Глупости все это, — с озлоблением сказал он. — Пускай дураки веруют, а мы уже в науку будем лучше верить, с ней спокойнее.

— Вы, вероятно, в фельдшерской школе обучались, — с сочувствием спросил Учитель.

— Я — ветеринарный фельдшер.

— Я так и думал.

— Почему же это вы так и думали? — подозрительно спросил ветеринарный фельдшер. — Что вы, ясновидящий, что ли?

— Нет, не ясновидящий, а все недоучившиеся семинаристы, фельдшеры, все люди полузнания находятся в таком же трагическом положении, как и вы. Они сидят между двумя стульями. У нас в полку был фельдшер. Он тоже, как и вы, в Бога не веровал. И по той же самой причине, что и вы. А о том, что Дарвин знал несомненно анатомию лучше, чем он, о том сей господин не думал.

Не знал он, конечно, и о том, что из 262 общепризнанных корифеев естествознания 246 человека, или 92 процента, были верующими, пятнадцать человек относились равнодушно и только пять были атеистами

Чем кончился разговор Аристарха с ветеринарным фельдшером, не верующим в Бога, потому что он получил представление о началах анатомии, я не знаю, так как мы: Вавилонов, Сусанин и я ушли из отеля. Думаю, что наверное фельдшер ушел с тем же самым запасом мыслей, с которым и пришел. Сила этих людей в том, что они не умеют мыслить, хотя убеждены, что они относятся к категории мыслящих людей, и что они то и есть истинная соль земли, столь незаслуже-

не до сих пор оттесняемая на задний план Ньютонами, Чайковскими и Пушкиными.

Это было одно из человекоподобных существ, страшно размножившихся за последние полстолетия, которые отменили Бога, взялись за переделку бессмертных пьес Шекспира, уничтожили национальные обычаи и кончили, как и надобно было ожидать ожесточенным взаимоистреблением.

Это был один из тех, кто украл у нас Россию, а вместе с Россией из мира исчез мир.

Глава восьмая

О том, как Сусанин спас нас с Вавилоновым от грозившей нам опасности и о том, что сказал Тукутава о соловье, который перестал петь

Когда Сусанин, Вавилонов и я зашли в своих лохмотьях в роскошный универсальный магазин «Тай-си», там нас ожидало новое приключение. Не будь с нами Алексея Сусанина, мы бы с Вавилоновым пережили не мало тяжелых испытаний.

Приказчик японец, на просьбу Вавилонова показать нам костюмы из лучшего английского шевиота, окинул нас подозрительным взглядом и вполголоса сказал что-то ученику-китайченку. Китайченок выскочил из-за прилавка и опрометью кинулся бежать к лестнице. Когда китайченок пробегал мимо Сусанина, тот схватил его за плечи и, бросив несколько отрывистых фраз по китайски, — толкнул его обратно. Китайченок послушно юркнул снова за прилавок.

Прищурив зеленые глаза, Алексей Сусанин, любезно улыбаясь, стал рассказывать что-то приказчику на превосходном японском языке.

С японцем также, как и с китайченком, произошла разительная перемена.

Отвесив Сусанину низкий поклон, японец

снял с полок несколько картонок с костюмами и стал любезно показывать их.

Через час мы вышли из универсального магазина одетые с ног до головы во все новое.

Спускаясь по лестнице, Иван Вавилонов с удовольствием взглянул на свое отражение в стоящем на площадке лестницы большом трюмо. Обернувшись затем к Сусанину, Вавилонов спросил:

— Да, я хотел у Вас спросить, что означала эта сцена с поимкой китайченка? Куда он бежал? Почему он послушался Вас, а не приказчика? Что Вы сказали японцу?

— Японец послал китайченка в сыскное отделение.

— В сыскное отделение? Зачем же?

— Чтобы сотрудники сыскного отделения немедленно прибыли в магазин арестовать появившихся хунхузов.

— Хунхузов, — раскрыл глаза Вавилонов. — Чорт подери, а где же они были? Я, признаться, их и не заметил? Ведь, кроме нас, трех англичан и русского гимназиста с мамашей, в отделении мужского платья никого не было.

— Японец резко расходился с Вами на этот счет. По его мнению, хунхузы были.

— Но кто же?

— Да Вы и Платон.

— Ну, конечно, — расхохотался Вавилонов. — Это наши лохмотья смутили. А что Вы сказали ему? Почему он так танцевал около нас?

— Китайченку я сказал, что все входы в магазин уже заняты хунхузами

— А японцу?

— Я спросил приказчика, знает ли он, как поступил легендарный японский герой Тукугава, когда соловей, пенье которого он хотел послушать вместе с двумя своими спутниками, перестал петь. Японец сказал, что нет. Тогда я ему посоветовал прежде, чем делать необдуманный поступок, который может стоить ему жизни, выслушать мудрый ответ Тукугава. Я сказал ему, что первый спутник Тукугава, горячий человек, сказал:

— Надо убить соловья.

Второй сказал:

— Надо заставить его петь.

А Тукугава сказал им:

— Надо подождать, пока соловей запоет.

— А вы тоже не сердитесь на меня, — проговорил Сусанин, обращаясь ко мне. — Я ведь не мог поступить иначе. Пока мы выбирали костюмы, прибыл бы автомобиль с агентами сыскной полиции и через полчаса мы, избитые, валялись бы в подземных камерах. А я по опыту знаю, что в китайскую полицию Харбина лучше не попадаться. Пока бы Ари-

старх выручил нас, мы бы познакомились уже с такими способами получения признания с которыми лучше не знакомиться

В этот момент мы проходили мимо японского ресторана «Фудзияма», Я предложил зайти туда и спрыснуть обновки. Сусанин и Вавилонов согласились.

Глава девятая

Что сказал о романтике Амброз Бирз, автор «Словаря сатаны», и что мы узнали от Алексея Сусанина

Заняв небольшой уютный кабинет, Сусанин попросил толстого, но ловкого японца кельнера принести графин рисовой водки и японских кушаний, в которых он хорошо разбирался.

Рисовая водка, острые закуски, поданные толстяком-официантом, скоро привели всех троих в оживленное настроение.

Иван Вавилонов стал рассказывать Сусанину о своих переживаниях во время двухмесячного плена у хунхузов. Вавилонов выразил удивление, что сейчас его приключения во время перехода Советско-Манджурской границы ему кажутся занимательными, а в момент, когда они совершались, не было и намека на какую-либо романтику.

Выслушав Вавилонова, Сусанин сказал:

— Это так всегда. Автор «Словаря Сатаны» Амброз Бирз хорошо заметил на этот счет: «Романтика подобна горизонту, она заметна впереди или позади; когда ее переживают она незаметна.»

Затем кто-то из нас, кажется, если не ошибаюсь, я, сказал, что в Харбине, международном городе, кишащем авантюристами разных национальностей, нам придется подвер-

гаться наверняка не раз разного рода приключениям, до тех пор, пока мы не ориентируемся

Это верно, — подтвердил Сусанин — так что, может быть, вы пожелаете выслушать некоторые мои замечания о психических чертах европейских народов, представители которых дают наибольшее число подвизающихся в Харбине и вообще на Дальнем Востоке авантюристов.

Заранее только извините за несколько своеобразный метод подхода к теме. Я также, как и Аристарх, являюсь убежденным сторонником взгляда, что если Вы хотите добиться какого-нибудь результата, Вы не должны говорить скучно.

Иван Вавилонов, вместо ответа, наполнил рюмку Сусанина ханшином.

Сусанин поглядел на муху, ползавшую по портрету Чжан-Цзо-Лина, и улыбнулся.

— Свою беседу я начну с того, как ведут себя люди разных национальностей, когда в поданном им стакане пива оказывается муха.

В дни моей юности мне пришлось несколько месяцев работать кельнером в матросском кабачке «Красивая креолка» в порту Рио-де-Жанейро. Наблюдая за поведением матросов разных национальностей, в кружках которых оказывалась муха, я пришел к следующим выводам:

Француз, увидев плавающую муху в кружке, поднимает неистовые вопли, грозит оторвать владельцу кабачка и кельнеру головы, разметать по всем сторонам ветра подлое заведение, в котором сыну прекрасной Марианны осмеливаются подавать пиво с мухами, потом успокаивается и, вынув пальцем муху, выпивает пиво. Вернувшись на корабль, он хвастается всем, начиная от юнги до капитана, как он разделал в таверне грязных иностранцев.

Немец, заметив муху, начинает усиленно сопеть и долго думает, как ему поступить, потом выпивает три четверти кружки, и после этого подзывает кельнера и, показав ему плавающую муху, говорит, что он не будет платить за пиво, в котором плавала муха, жившая в стране, населенной дикарями.

Англичанин, заметив муху, подзывает кельнера и требует другого пива, предупреждая, что, если в какой-нибудь из следующих кружек окажется муха, то он разобьет ему физиономию.

— Как же поступают, увидев муху, русские матросы? — закуривая сигарету, спросил Вавилонов.

— Русские и тут остаются верны себе. Никогда неизвестно, как они поступят. Они всегда действуют в зависимости от настроения, я не смог прийти ни к какому определенному заключению. Одни беснуются, как

французы и итальянцы, другие обещают разбить физиономию, как англичане, третьи — просто вылавливают муху и на этом дело кончается, четвертые — выловив муху, кладут на освещенный солнцем кусок стола, чтобы она обсохла и могла улететь в раскрытое окно, пятые — дуют на муху, чтобы она уплыла к другому краю кружки, и, когда приходит кельнер, показывают на дне обессиленную муху, пытаясь растолковать на тарабарском языке, что они не любят пить пиво с мухами.

Русские всегда, и по отношению к мухам, поступают индивидуально. Одно только могу сказать, что они никогда не поступают так, как поступают немцы.

Чрезвычайно любопытно также, как реагируют люди разных национальностей на выслушанный анекдот.

Когда французу рассказывают анекдот, он смеется трижды: в первый раз во время рассказа, затем, когда ему поясняют рассказанное, и, наконец, когда он сам понимает соль анекдота.

Немец смеется лишь дважды: во время рассказа и во время объяснения, потому что без пояснения немец анекдота не понимает.

Англичанин, слушая анекдот, смеется лишь раз: во время рассказа. Англичанину, не понявшему анекдот, объяснять его бесполезно, он все равно ничего не поймет.

Еврей, когда ему рассказывают даже самый остроумный анекдот, не смеется никогда.

— Почему? — ставя на стол пустую рюмку, с интересом спросил Вавилонов.

— Потому что каждый еврей уже в чреве матери знает все анекдоты, которые существуют на белом свете.

Русский смеется раз, когда рассказывают. Объяснений не терпит, даже в том случае, когда ровно ничего не понял.

— Это почему же? — недоумевая, сдвинул брови Вавилонов.

— А потому, милый друг, — с веселыми искорками в глазах, сказал Сусанин — что всякий русский боится, чтобы его не сочли дураком. А быть причисленным к категории дураков руский боится больше всего. Он скорее согласен, чтобы его считали мерзавцем, негодяем, кем угодно, но только не дураком.

Позвольте вспомнить мне одну любопытную историю, происшедшую со мной в дни моего отрочества.

Когда я учился во втором классе Тобольской гимназии, три моих одноклассника, на вопрос учителя латинского языка, что писал Юлий Цезарь о древних германцах, рассказали ему один за другим содержание трех задач из задачника Малинина и Буренина.

На другой день они пошли просить прощения у латиниста за то, что они были накануне такими мерзавцами

Латинист выслушал их высокопарные объяснения в духе Достоевского о том, какими большими негодяями они себя чувствуют и спокойно сказал:.

— Милые мои, вы напрасно считаете себя мерзавцами. Вы не мерзавцы, а просто дураки

Так, видели бы вы физиономии этих трех оболтусов. Если бы латинист их ударил железной кочергой и раскроил каждому из них череп, это произвело бы на них несравненно меньшее впечатление, чем когда он их назвал не мерзавцами, а дураками.

Сусанин несколько минут молча сидел с закрытыми глазами, когда он снова открыл их, лукавые искорки, мерцавшие в его зрачках, исчезли, его взгляд приобрел сосредоточенное серьезное выражение.

— Англичанина — проговорил он, звенящим от волевого напряжения голосом — воодушевляет идея Божьего избранничества, французы стремятся к духовному водительству, немцы к захвату власти во всем мире, мы русские, и в этом вопросе отличаемся от европейцев. Нашей национальной идеей является создание счастливой жизни для всех людей.

Она уже свыше столетия действенно проявляется в русской истории и тем сильнее, чем меньше она доходит до сознания.

Француз хочет видеть мир, как художест-

венный салон, немец — как казарму, народы английской расы — как фабрику, а русский — как вселенскую церковь.

Француз жаждет славы, немец — власти, англичанин — прибыли, русский же — жертвы во имя всеобщего блага.

Француз хочет ближнему импонировать, немец хочет им командовать, англичанин ждет от него прибыли и лишь русский не хочет ближнего превращать в средство. В этом суть русской идеи братства и в этом заключается Евангелие будущего. Но об этом когда-нибудь в другой раз. Здесь не место говорить об этом.

Глава десятая

Что произошло в японском кабачке «Хакодате», в который мы перешли из ресторана «Фудзи-яма»

В своих мемуарах я решил следовать примеру своего предка, Александра Башилова, флигель-адъютанта Императора Павла Первого. В начале своих, подкупающих искренностью занимательных мемуаров, Александр Башилов обратился к нам, своим потомкам, со следующим заявлением:

«...Дорогие мои потомки, в мемуарах принято обычно каяться в совершенных в молодости грехах и с помощью скучных сентенций стараться предостеречь своих потомков от повторения таковых.

Я не стану заниматься сим безнадежным делом. Я скажу про себя, что я прожил весело, радостно и счастливо, испытал все, что может испытать человек на земле, и я был бы очень счастлив, чтобы Вы смогли бы жить также полно и широко, дыша всей грудью, как я.»

Дальше мой предок, голубоглазый, румяный красавец, один из славной стаи Екатериненских орлов, простодушно рассказывает о себе такое, что многие из мемуаристов постарались бы обязательно утаить.

Описывая, например, прием Императором Павлом Первым Мальтийских рыцарей, избравших, как известно, Павла Первого гросс-

мейстером Мальтийского ордена, Александр Башилов упоминает, что после ухода рыцарей Император приказал ему надеть черную бархатную мантию и пройтись по залу.

«Я накинул на себя мантию и все регалии и прошелся. После меня надел мантию Император, но я скажу откровенно, дорогие потомки, что мантия Гроссмейстера мне шла несравненно больше, чем Императору.»

Далее, Александр Башилов, не стесняясь, описывает, как, возвращаясь из Италии и встретив в Дрездене своих однополчан, принес в жертву Бахусу подаренную ему Суворовым усыпанную алмазами табакерку и бриллиантовый перстень Сардинского Короля, которому он отвез от Императора чек на миллион лир.

«Если бы не князь Горчаков, наш посланник при дворе Саксонского короля, который одолжил мне 100 талеров, — добродушно замечает по поводу сей истории Александр Башилов, то мне пришлось бы, вероятно, итти в Россию из Саксонии пешком».

И я тоже не считаю нужным в своих мемуарах приукрашивать свое прошлое и прошлое своих друзей.

Короче говоря, из японского ресторана „Фудзи-Яма“ мы вышли около 11 часов вечера, имея благородное намерение вернуться в отель «Ориент» и честно заснуть в первый раз после долгого времени в чистых постелях.

Но, как известно, враг человеческий не дремлет...

Когда до отеля «Ориент» оставался всего только квартал, внимание Ивана Вавилонова привлекли ярко освещенные окна другого японского ресторана „Хакодате", и мы все очутились там.

Выпив еще пару бутылок ханшина, Иван Вавилонов, на могучий организм которого алкоголь действовал очень слабо, вдруг внезапно спросил меня:

— Да, Платон, я тебя весь день хотел спросить, что это еще за человек-бриллиант, о котором упомянул утром Аристарх?

Но что я мог сказать тогда о человеке-бриллианте № 7 и вообще о людях-бриллиантах, когда я сам не знал о них ровно ничего.

Когда я ответил, что о человеке-бриллианте мне ничего не известно, Иван Вавилонов начал фантазировать, что это может быть такое.

Пары ханшина все же оказали свое влияние, и фантазия работала у него во всю.

— Я думаю, что Аристарх ошибся, — поливая кусок плавника акулы крепчайшей соей, сказал Сусанин — может быть нам только показалось, а он сказал «Человек с бриллиантом № 7».

— Нет, он сказал, я это помню хорошо «Вот, малодушный, то, что позволит нам безбедно просуществовать первое время в Хар-

бине, пока не прибудет из Сингапура человек-бриллиант № 7». Ведь он сказал так, Платон?

— Да, он сказал так.

— Но как это понять? — разглагольствовал Вавилонов. — Не может же человек иметь тело из бриллиантов? Может быть, это условная кличка? Или, может быть, это фамилия? Во Владивостоке я знал одного еврея, так его фамилия была Рубинчик. Мойша Рубинчик. Так, может быть, это — Абрам Бриллиант?

— Да если бы какой-нибудь человек имел и не все тело из бриллиантов, а хотя бы один бриллиантовый зуб, — проговорил задумчиво Сусанин — это был бы человек, обладающий самым дорогим телом на свете. Вообще же, ведь тело властелина вселенной — человека — имеет ничтожную ценность. Человеческое тело стоит дешевле тела простого бездомного кота.

— Ну, а сколько же, к примеру, стоит человеческое тело? —спросил Вавилонов, моментально забыв о человеке-бриллианте № 7.

—Один немецкий химик с немецкой пунктуальностью вычислил сколько в теле среднего человека содержится фосфора, железа, извести, жира.

Из железа, содержащегося в теле человека, по его рассчетам, можно сковать пару небольших сапожных гвоздей, из фосфора сде-

лать несколько спичек, из жира — небольшой кусок мыла.

Цена человека среднего роста, такого, как Платон, по вычислению этого химика равняется всего одной марке и 87 пфеннигов, т.е. меньше двух иен.

— Так что Гете, который был небольшого роста, стоил бы и еще дешевле?

— Да, наверное немногим больше полуторых иен. Правда, тела людей, обладающих патологическим строением скелета стоят значительно дороже. В Пиренеях есть горная деревушка, все жители которой являются шестипалыми. У них по шести пальцев на руках и ногах. И если вы хотите сделать когда-нибудь приятное хранителю Антропологического Музея в день его ангела, то постарайтесь подарить ему скелет шестипалого испанца. Если же Вы хотите порадовать вождя одного из каннибальских племен Центральной Гвинеи, то подарите ему человека, взявшего первый приз на конкурсе толстяков в Нью Йорке. Скелет же шестипалого испанца не вызовет у Ново-Гвинейского вождя никакого восторга. На этом свете все так относительно, мои дорогие.

— Однако, я скажу, хорошо, что еще никому из современных властителей мира не пришла в голову мысль утилизировать тела своих политических врагов, как сырье для отечественной продукции — с презрительной гримасой сказал Иван Вавилонов.

Глава одиннадцатая

В которой Аристарх излагает свою точку зрения на ближайшее будущее человечества

— Но твоя радость, преждевременна, — проговорил незаметно вошедший в наш кабинет, Аристарх Орлов. — Я стал невольным свидетелем вашего разговора и считаю необходимым вмешаться в него. Современная цивилизация, лицемерная и безнравственная с каждым годом неудержимо идет навстречу эпохе еще большего лицемерия и еще большей безнравственности. Пройдет немного лет после нынешнего, 1928 года, я думаю, не больше 11-13 лет, как в Европе воцарится дьявольское учение, такое же чудовищное, как и существующее сейчас в России. И я не поручусь, что в 1940 или 1943 году в Европе не станут хладнокровно использовать тела убитых политических противников, как сырье для фабрик.

—Вы, конечно, шутите, — сказал с отвращением Вавилонов, взглянув в лицо севшего рядом с ним Аристарха Орлова

— Нет, я не склонен шутить, — с грустью сказал Аристарх. — Современная цивилизация завершила цикл своего развития. Исходя из заложенных внутри нее тенденций, она, как кинутый рукой австралийца, бумеранг, возвращается назад к временам, когда из че-

репов себе подобных делали чаши для вина.

Если кто из нас доживет до конца тридцатых годов нынешнего столетия, то он увидит своими глазами такое падение нравов, такие потрясающие вещи, перед которыми ужасы, описанные Данте Алигьери в его «Аду», покажутся плодом детской фантазии.

...Познакомившись за долгие годы работы агенства „Молниеносный ответ" достаточно основательно с психологией современных людей, ужасных своей духовной безликостью, столь мало отличающихся друг от друга, как пуговицы, вышедшие из под одного штамповального пресса, зная неумение современного стандартного человека верить во что-нибудь, я заранее знаю, что многие из прочитавших начало моих мемуаров не поверят ни одному слову, написанному мной.

Эти господа, привыкшие к криминальным рассказикам разных сортов, вообразили наверняка, что я взялся их потешать. Жалкие люди! Люди, разучившиеся наблюдать, думать и верить во что-бы то ни было и кому бы то ни было.

Вот эту категорию своих читателей: человекоподобных потребителей стандартных пиджаков, жевательных резинок и прочих «чудес» глубоко чуждого мне современного мира — я считаю необходимым познакомить с тем, что ответил Вавилонову Аристарх на заданный вопрос.

Учитель закурил папиросу и сказал Вавилонову следующее: (Я очень хорошо помню его слова и передаю их почти слово в слово):

— Миллионы людей в мире сейчас в плену у несбыточных социальных утопий. На востоке совершает победное шествие коммунизм. Итальянцам мерещится, что сквозь фашизм они войдут в земной рай.

В недрах Германии, жаждущей реванша, зарождается новая форма социального утопизма.

Все народы ждут чего-то нового и все возлагают преувеличенные надежды на это новое. Но все это исчезнет без следа, как «с белых яблонь дым». Уже недалеко время, когда «старое» опять покажется новым, а новое старым.

Мир накануне грандиозных социальных революций. Но не радость и счастье принесет миру безудержный социальный оптимизм, а горы трупов, неслыханные преступления и вторую мировую войну. Но в это не верят.

Аристарх потер рукой лоб и, после небольшой паузы, продолжал:

— Видите ли, дорогие друзья, в любую, переломную эпоху, как об этом правильно писал Шубарт, автор пророческой книги «Душа Востока», существует небольшое количество людей, через сознание которых впервые, и, вероятно, преждевременно, проникает в мир новый элемент духа.

К этим немногим избранным я и хочу обратиться. Наш призыв будет обращен к избранным, души которых открывают себя для нового и в то же время, несущим в будущее вечное из наследства отцов.

«Чем бы стало человечество без таких людей. — писал Шубарт. — О таких людях обыкновенно молчат в столетии, в котором они живут, но зато им принадлежат столетия, в которых их нет.»

— Кто же эти люди? — спросил с удивлением Вавилонов.

— Эти люди — я, Сусанин, Платон и все остальные члены нашего тайного братства, живущие в России и заграницей. Все те, кто освободился от гипноза социальных утопий, существующих и зарождающихся, кто изжил болезнь нашего века и видит то, что не видят ослепленные фанатизмом вожди и миллионы.

Прежде чем в мире воцарится новое мировоззрение, апостолам и последователям его придется вступить в единоборство с невероятными трудностями.

Нам придется выступить на войну со всем миром, с монбланами накопившихся национальных, научных, политических и социальных предрассудков.

Прав, прав был Николай Маккиавели, говоря, что тот, «кто не похож на всех — тот один против всех».

Наша судьба будет напоминать трагическую судьбу такого человека.

Честные люди будут готовы сжечь нас на костре за то, что мы думаем не так, как все. Тираны скажут про нас, что мы бунтовщики народа. Народы назовут нас приспешниками тиранов. Ханжи будут обличать нас в безбожии. Социальные утописты станут обвинять нас в фантазерстве. Добрые — назовут злыми. Злые же возненавидят нас сильнее всех, потому что мы будем казаться им более злыми и коварными, чем они сами.

В стандартных мыслях стандартных людей огромная сила. После первой мировой войны души людей все более и более организованно наполняются ненавистью и социальными фантазиями

— Хорошо, — спросил Вавилонов — а что же надо делать?

— Необходимо наполнять души современных людей и, в первую очередь, души наших братьев по крови, русских, добром и социальным реализмом. Сами люди никогда не поймут счастья быть добрым, их надо приучать к истине и добру, как детей к зубной щетке.

Были уже костры во имя Бога, были костры во имя Разума и Прогресса, сейчас пылают костры во имя Социальных Утопий.

В нашу эпоху, вместо Истины и Добра, во славе Сила и Ненависть. Сейчас человечество, опьяненное безумием толпы, поет тиранам

«осанну». Так нищие итальянцы воспевали Цезаря Борджия:

«Дела его были преступны, но велики.»

Так поют сейчас в России осанну ее сегодняшнему властелину. Так будут петь осанну будущему властелину мечтающей о реванше Германии.

— Современное человечество, Аристарх, — проговорил медленно, с растановкой Алексей Сусанин — больше всего напоминает героя романа Мережковского, кузнеца Зароастро де Перетола, пытавшегося летать на изготовленных Леонардо де Винчи крыльях.

Во время попытки полететь, Зароастро разбился. Зароастро потерял способность мыслить и говорить, он впал в тихое безумие и только бормотал:

...Курлы, курлы,
Журавли, орлы.
Среди солнечной мглы,
Где не видно земли.
Журавли, орлы,
Курлы к...лы...

— Да, да, — кивнул головой Учитель. —Да, это так. Современное человечество напоминает безумца или умирающего, неспособного больше уже ни видеть ни слышать. Надежд на спасение его осталось крайне мало, но наш долг исполнить их.

— Учитель, — взволнованно спросил Вавилонов, впервые называя Аристарха Учите-

лем. — На плечи какого народа падет основная тяжесть борьбы. Какому народу будет суждено утвердить в этом мире насилия и ненависти истину и любовь?

Аристарх. мягко улыбнувшись, с грустью сказал:

— Нашему народу. Мы, русские, глубже всех взглянули в бездну социальных страстей. И в умах и сердцах лучших из русских уже незримо зреют семена нового миросозерцания, которое спасет мир.

Задача, которая стоит перед нашим народом конечно, друзья, непомерно велика и тяжела. Как говорят англичане, — из свиного уха не сделать шелкового кошелька.

Современный мир — это свиное ухо. Но памятуя девиз нашего братства:

„Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи,
Невозможнейшие вещи
Совершать и сам способен",

мы все же попытаемся сделать последнюю попытку спасти наш народ и все человечество.

Стендаль говорил, что „истины живут в пещерах, боясь света, и они проворно прячутся в момент, когда их хотят поймать".

— Истину мы, русские, уже поймали теперь же наша задача всемерно проповедывать ее, пользуясь всеми доступными способами.

— Первая задача — всемерно множить ряды нашего братства на родине и за рубежом. Вторая — всеми нравственно чистыми способами нести в широкие слои всех народов новую идеологию, установить верную точку зрения на прошлое, настоящее и будущее человечества.

Свою беседу Аристарх окончил снова цитатой из книги Шубарта «Душа востока».

— Я еще раз напоминаю вам глубокие мысли профессора Шубарта, душа которого одной из первых открылась для нового мироощущения.

«Ныне условные христиане Запада с отвращением, и не без примеси собственного превосходства, указывают на низко павших русских». И тем не менее Россия должна быть именно там, где она есть, для того чтобы родиться к новой вере. Чтобы восстать, нужно пасть. И тем глубже пасть, чтобы еще выше родиться. Из пропасти зла и страдания ведут смелые тропы к вершинам святости.

Для религиозного обновления решающим является не число населяющих страну безбожников, а число подлинных христиан.

История давала нам многократно примеры, что, для того, чтобы восторжествовало новое миросозерцание, важны не миллионы механически исповедующих господствующую идеологию, а сила и глубина веры апостолов и последователей нового миросозерцания.

Условный христианин Запада может быть законопослушен и честен, но он духовно бесплоден. Он мещанин, а мещане — бесплодны. Мещанам не хватает тернового венца.

Религия возрождается не в равнодушии мещанского мира, а в апокалипсическом громе. Без могилы — нет воскресенья. Таким же путем возрождаются и народы, если они имеют в себе еще достаточные запасы духовной силы. Надо спешить, спешить. Близится то грозное время, о котором писал в 1558 г. в Лионе в своей книге Прорицаний великий ясновидец Нострдамус

...«Огонь, цвета золота, будет падать на землю с высоко парящего в небе корабля».

...«Подводный флот железных рыб, имеющих внутри себя огонь и закон математической формулы...»

...«Населенные города, сгорев, станут необитаемы».

...«Огромная армия придет из-за моря, потеряв при этом только четверть миллиона солдат».

...«В луже крови, лицо кверху, лежащий мертвый, окровавленный рот, суливший своим молочные берега и медовые реки...»

Глава двенадцатая

Из которой становится известным, что, заснув в императорской России, я проснулся в Р.С.Ф.С.Р

Улучив момент, когда Иван Вавилонов, выпивший три графина рисовой водки, занялся цейлонскими бананами, Сусанин обратился ко мне

— Аристарх мельком сказал мне, что он больше года был королем чукчей в СССР, а Вы были чукотским премьер-министром. Не были ли-бы Вы так любезны, рассказать несколько подробнее об этой любопытной истории.

— Да, да, Платон, ты должен рассказать об этом, — закричал, начавший хмелеть, Вавилонов. — Я, признаться, до сих пор не верю, чтобы в Советском Союзе и вдруг мог быть король... Я об этом никогда ничего не слыхал Да и разве это допустило-бы ГПУ?

— Ну, ГПУ, положим, не так всеведуще, как об этом думают. А то, что ты не слышал ничего, так это ведь не довод. Вся политика большевистской пропаганды и состоит в том, чтобы подданные диктатора ничего не слышали, кроме официальной брехни. Ты например, о восстании, бывшем зимой этого года в Якутии, слышал?

— Нет. А разве оно было?

— Было. А о том, как Пятигорск захватили восставшие казаки?

Нет.

— А о созданных Аристархом нелегальных бюро А.А.?

— Нет.

— А о нелегальных бюро СОСЖ?

— Нет.

— Ну, так вот видишь, а ведь они существовали и существуют.

— Конечно, может быть, — покрутил головой Вавилонов. — Кто его знает! А только насчет чукотского короля — это какая-то хиромантия с гомеопатией получается.

— Так, пожалуйста. Платон, я слушаю Вас, — сказал Сусанин терпеливо дождавшись, когда окончательно мелевший Вавилонов, наконец, замолчал. — Прежде, чем услышать, как Аристарх стал королем чукчей я хотел бы узнать, как Вы попали на побережье Берингова пролива? Что Вы родились в Полярной Сибири?

— Нет.

— Вы занимались исследованием Арктики?

— Нет.

— Бежали из находящегося на Колыме концлагеря?

— Тоже нет.

— Так что же, наконец, заставило Вас оказаться так далеко на Севере?

— Перед тем как попасть на Чукотский по-

луостров, я пять лет бродил с одулами*) по лесам и тундрам в бассейне реки Росомахи.

— А где ты жил до тех пор, как стал кочевать с одулами?

— На Волге, в Республике Немцев Поволжья, в сумасшедшем доме города Энгельса.

— Что, у Вас было психическое заболевание? — с сочувствием спросил Сусанин. — Обычное в те времена осложнение после брюшного или сыпного тифа?

— Нет, психически я был совершенно здоров.

— Да, но почему же тогда Вы оказались в числе обитателей сумасшедшего дома?

— Видите-ли, Алексей (мы уже выпили с Сусаниным на брудершафт, но все еще путали, называя друг друга то на Вы, то на Ты), при царе про Россию говорили, что это страна неограниченных возможностей. — а про теперешнюю Россию можно сказать, что это страна неограниченных невозможностей. Меня посадили в сумасшедший дом милиционеры.

Я испытываю до сих пор гордость от мысли, что, рассказывая о своем прошлом, я сумел несколько раз поставить втупик Сусани-

*) Одулы — небольшое племя, ведущее самый примитивный бродячий образ жизни.

на, обычно совершенно невозмутимого человека.

— Как милиционеры? — спросил озадаченный Сусанин. — Разве в Советском Союзе людей в сумасшедший дом отправляют не психиатры, а милиционеры?

— Когда психиатры, когда милиционеры. Все зависит от обстоятельств. Очнувшись от летаргического сна, я произвел на встреченных мною милиционеров впечатление ненормального человека, и они отвезли меня в психиатрическую лечебницу.

— А когда ты впал в летаргический сон?

— В Сочельник 24 декабря 1916 года.

— А проснулся?

— В мае 1921 года.

— Чрезвычайно занимательный факт, — пристально глядя на меня, проговорил Сусанин. — Стало быть, заснув в Императорской России, Вы проснулись в Совдепии?

— Да.

— Должен сказать, что ты, отнюдь, не единственный человек, так долго спавший — сказал Сусанин. — Науке известны случаи и еще более длительного летаргического сна:

Один железнодорожный стрелочник в Дрездене, после несчастного случая, впал в летаргический сон. Он проспал восемнадцать лет подряд. Некий Хормс, в штате Миннезотта, спал почти 30 лет... К Вам, Платон, судьба

была более милостива, чем к Хормсу. Хормс заснул юношей и проснулся стариком.

— Расскажите мне о себе подробнее. Ваша история весьма любопытная.

— История не столько любопытная, сколько грустная.

Глава тринадцатая.

О том, есть ли у грибов глаза, и что написал Бердяев в «Философии неравенства» о воле наций

Вот, что я рассказал Сусанину в ту ночь:

..... „Я родился в августе 1900 года в старинной русской семье, в одном из маленьких прелестных городков Южного Урала, так поэтически описанных Маминым-Сибиряком в его романах

Пленительная природа Южного Урала сопровождала меня с первых дней моей сознательной жизни, вплоть до того, как я впал в летаргию. Над головой было голубое, бирюзовое небо, на земле — древние, обточенные тысячелетиями горы, заросшие хвойными и лиственными лесами.

Между горами, в плодородных долинах, лежали зеркальные озера, струились полноводные реки.

Красота и покой окружали меня. Чудесное детство и юность были подарены мне Богом и моими незабвенными родителями.

Вместе с милой нянюшкой, узкоглазой, скуластой башкиркой, Фатьмой, я бродил, спотыкаясь своими трехлетними ногами о корни столетних сосен и берез, по заросшим пахучими травами и цветами уральским лесам.

Присев на корточки, я с любопытством раз-

глядывал огромную жабу, запрыгнувшую в корзинку с собранными Фатьмой грибами.

От корзинки я бежал к Фатьме, рвавшей лекарственные травы и певшей заунывные песни своей родины.

— Фатьма, Фатьма, — тормошил я старуху — Фатьма, у грибов глазы есть?

— Нет, Плятонушка, нету, — коверкая русский язык, говорила Фатьма, гладя меня по льняным кудрям. — У грибов глазов нету.

Я бежал опять к корзинке, и, с замиранием сердца, смотрел, как огромная жаба то закрывала то открывала свои холодные, колдовские глаза. И я снова бежал к Фатьме, задыхаясь от волнения, говорил дряхлой, похожей на мудрую колдунью, старухе:

— Фатьма, Фатьма. скажи мне. ведь у грибов глазы есть?

Дело кончилось тем, что я не вытерпел мук скорее познать истину и с ревом потянул Фатьму к лежавшей на берегу лесного ручья корзинке с грибами. Но истину доказать людям одинаково трудно и в три года и в сорок лет.

Когда я подтащил Фатьму к корзинке, жабы в ней уже не было. И торжествующая Фатьма сказала мне:

Какая упрямый мальчика. Я тебе говорил, что у грибов глазов нет. а ты ревешь, как большая медведя.

Милая, косоглазая Фатьма, давшая мне

первые, самые ценные уроки поэзии. От Фатьмы я узнал, что могучая каменистая вершина, поднимающаяся высоко над другими горами, называется Таганай, что по-башкирски означает Подставка Луны. Когда я купался в реке Ай, Фатьма говорила мне, что я купаюсь в Лунной Реке!*)

Также радостно и спокойно прошла и моя юность. Моя душа была открыта всему миру, а весь мир был открыт моей душе. Так шло до двадцать четвертого декабря 1916 года; недели за две до Рождества я стал чувствовать какое-то странное недомогание, заснул за два часа до Рождественской звезды и с тех пор не просыпался до 1921 года.

Роковая судьба написала из моей жизни, пожалуй, самый фантастический святочный рассказ из всех когда либо написанных святочных рассказов.

Не спорю, жизнь мне позволила красиво уйти из Российской Империи. избавя меня от мук видеть гибель России. Для меня, в чьих жилах струится кровь людей, умиравших на полях битвы, рядом с Димитрием Донским, Суворовым, бесстрашно шагавших впереди полка гренадер на Бородинском поле, для меня ведь было бы далеко не все равно, гибнет или нет родина моих предков. Я, ведь, не был Иваном Непомнящим

*) Ай —по башкирски Луна.

О, для меня, в моей стране все говорило, все жило своей жизнью, все находило свой горячий отзвук в юношеской душе.

Ржавая кольчуга сподвижника Ермака в Тобольском музее. Древняя шатровая церковка на берегу Онеги, в которой, может быть, молился святой Зосима, строитель Соловецкой обители. Тяжелый палаш Александра Башилова, которым он рубился в день Бородина с драгунами Мюрата. Падающая башня в Невьянске. Душная июльская ночь, проведенная мною на Куликовом поле, на котором 8 сентября 1380 года был пронзен монгольским копьем сотник запасного полка князя Владимира Никита Башилов.

Как верно сказал о могучей власти прошлого в своей «Философии неравенства» Бердяев:

„В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги, и чтобы понять волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы.

... В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное еще будущее".

Глава четырнадцатая
О том, как Фатьма пыталась пробудить меня от летаргического сна

Шесть долгих лет провел я в состоянии, которое нельзя назвать ни жизнью ни смертью. Я страшно исхудал, мое тело весило не многим более, чем мумия египетского фараона.

Отец мой, Александр Башилов, гвардейский полковник, был расстрелян Иркутской Чека в один день с адмиралом Колчаком. Моя мать умерла в 1920 году от голода. После смерти матери, моя старшая сестра Надежда положила мое безжизненное тело на санки и повезла его из Екатеринбурга через горы и леса в маленькую степную деревушку около станции Аргаяш, в которой жила, доживая девятый десяток лет, моя Фатьма.

Больше полугода пролежал я в юрте Фатьмы, ежедневно молившей Аллаха, чтобы он вернул мне жизнь.

Фатьма призывала к моему телу башкирских колдунов и знахарей. Несчетное число раз над моим недвижным телом раздавались заунывные молитвы башкирских мулл, умолявших Аллаха даровать мне снова дыхание.

В 1920 году Фатьма увезла меня и сестру через Тургайские степи на побережье Аральского моря, к знаменитому киргизскому зна-

харю Абдулле Абдурахманову. Абдурахманов также не смог пробудить меня.

Фатьма не сдавалась. У мужа своей младшей дочери, бывшей замужем за богатым киргизским баем*), она выпросила трех верблюдов и увезла меня и сестру через пустыню Кара-Кумы сначала на побережье Каспийского моря, а затем в Рынь-пески, где, по дошедшим до Фатьмы слухам, в одном из калмыцких стойбищ жил прибывший из Тибета искусный врач, бывший родом из Гуресу Гадзыр —Страны зверей.

У тибетского мага, как я позднее узнал у сестры, в маленьком окованном красной медью сундучке хранился естественный коврик из какого то странного тибетского растения. Коврик состоял из тысячи стебельков, каждый из которых имел не больше дюйма... А в год, как сказал Фатьме маг, вырастал всего один побег и на нем только четыре листка.

Спрашивается, сколько потребовалось столетий, чтобы в каменном поднебесьи, под неистовыми тибетскими ветрами, вырос такой коврик.

Тибетский врач делал настой из лепестков этого растения и поил меня им. Конечно, то, что я проснулся, спустя пять месяцев после смерти Фатьмы, я был всецело обязан толь-

*) бай — богатый феодал.

ко искусству тибетского врача, но Фатьме и Надежде, нетерпеливым, как все женщины, только казалось, что лечение не дает никаких результатов.

В январе 1921 года Фатьма умерла на 92 году жизни. Похоронив ее, Надежда решила увезти меня в Петербург. В Петербурге жил брат матери профессор палеонтологии. Незадолго до смерти Фатьмы Надежда получила письмо от дядюшки. в котором он предлагал немедленно перевезти меня в Петербург.

Старый чудак, помешавшийся на изучении птеродактилей, бронтозавров и ихтиозавров, хотел устроить меня в клинику знаменитого русского физиолога Павлова

Дядюшка надеялся, что Павлов, делавший чудеса со своими собаками, сумеет пробудить и меня от летаргического сна.

Помешанный на своих ископаемых рыбах, не замечавший происходившего в стране безумия, дядюшка, вероятно, ни разу не подумал о том, а будет или нет приятно мне проснуться и стать невольным соучастником кровавого бедлама, творившегося на территории России.

Глава пятнадцатая

В которой описывается мое пробуждение и моя дальнейшая судьба до встречи с Аристархом Орловым на побережьи Берингова пролива

Я проснулся без помощи Павлова в тот момент, когда Надежда сошла на минутку с парохода на пристань, чтобы обменять кофточку на несколько картошек. В 1921 году, как известно, в Поволжьи бушевал сильный голод.

Очнувшись на походной брезентовой койке в темном неосвещенном трюме баржи, не понимая, где я и что со мной, я с трудом поднялся на палубу и спустился по трапу на пристань.

После нескольких лет летаргии я имел, конечно, ужасный вид. Я был скелет, обтянутый кожей. Было удивительно, как я смог вообще подняться и пройти несколько шагов. Но мой вид не произвел на бывших на пристани людей никакого впечатления. Многие из бродивших по пристани голодающих мужчин, женщин и детей выглядели не лучше, чем я. Большинство из них умирало от голода.

К сидевшему на клубке канатов мужчине, державшему в руке пару небольших кусков хлеба, подошел один из голодающих, спросил сколько стоит кусок хлеба.

— Полтора миллиона, — ответил тот.

— Что же ты, окаянный, такую цену дерешь — закричал умирающий с голоду — Совести у тебя, проклятого, нет.

— При царе совесть была, да вместе с ним и пропала, — огрызнулся владелец хлеба. — У других, попробуй. купи. Два миллиона — заплатишь.

Землистые лица умиравших от голода, лихорадочный блеск их глаз, отрепья, в которые были одеты большинство чаходящихся на пристани, разговор о двух миллионах за кусок хлеба — все это произвело на меня ужасное впечатление. Мне казалось, что все это происходит в ночном кошмаре.

— Как называется этот город? — спросил я владельца хлеба.

— Город Энгельс, — ответил он, окидывая меня равнодушным взглядом.

— А какая губерния?

— Какие тебе теперь губернии! Это — Республика Немцев Поволжья. А ты откуда — с неба, что ли свалился, что не знаешь, где ты находишься?

Что я ему мог ответить? Я только развел руками.

— А-а-а-а, — протяжно сказал он, стукнув себя пальцем по лбу. — теперь, гражданин, понимаю. Ты, поди, из Чека смылся. Ишь до чего, черти, тебя довели! Ты иди. миляга, прямо, как дойдешь до кирпичного завода

имени Карла Маркса, так повернешь налево. Это будет, тебе, улица Фомы Кампанеллы. По ней дойдешь до площади Томаса Мора. А от нее, по улице Карла Либкнехта, выйдешь к кладбищу, где хоронят расстрелянных. Тут тебе воля, сигай во все стороны, куда хочешь, — с явным сочувствием в голосе сказал он.

Республика Немцев Поволжья! Город Энгельса! Улица Фомы Кампанеллы! Площадь Томаса Мора! Кирпичный завод имени Карла Маркса! Кусок хлеба, стоящий 2.000.000 рублей! Какая-то Чека, расстреливающая людей и хоронящая их трупы на городских кладбищах согласитесь, что это было слишком много для истощенного мозга человека, который несколько лет находился в летаргическом сне. И я потерял сознание. Когда утром меня подобрали милиционеры, и я, пытаясь ориентироваться, что собственно произошло в России, стал их расспрашивать, они подумали, что я сошел от голода с ума и отправили меня в сумасшедший дом.

Когда, несколько месяцев спустя, мне удалось оказаться на свободе, я не увидел большой разницы между тем, что творилось в сумасшедшем доме, и тем, что творилось за его пределами, в деревнях и городах России. Скажу прямо — сумасшедшие показались мне более нормальными, чем те, кто управлял страной. С некоторыми из сумасшедших, когда они забывали свою идею-фикс, хоть

иногда было можно разговаривать, с коммунистами же — никогда.

Мне посчастливилось пробраться, через охваченные людоедством, тифом и восстаниями области, в Полярную Сибирь. Несколько лет я прожил в бассейне реки Колымы, бродя по тайге с приютившими меня одулами. Весной 1926 года мне посчастливилось встретиться с прибывшим через Берингов пролив из города Нома Аристархом Орловым, и я был его ближайшим помощником все время, пока он был Чукотским королем.

Глава шестнадцатая

В которой описывается прибытие Аристарха Орлова с Аляски на Чукотский полуостров и о том, как он стал королем чукчей

До тех пор, пока глаза мои будут видеть солнце, я не перестану благословлять то мгновение, когда в яранге старого Нувата, стоявшей на вершине мыса Чаплин, судьба свела меня с Аристархом Орловым.

Уже второй месяц я жил в яранге эскимоса Тевлянто, ожидая приезда его родственников, американских эскимосов, чтобы в их байдарах перебраться через Берингов пролив на Аляску.

Шестьдесят дней я терпеливо ждал, пока, наконец, стихнут обычные в эту пору года штормы на Беринговом море.

На побережьи было мрачно и неприютно. На черных, гранитных скалах лежали сугробы слежавшегося крупно-зернистого снега. По грязно-зеленому морю с полуночи плыли бесконечные, плоские, ледяные поля. Густые туманы стояли целыми неделями, скрывая от нас окружающий мир.

В последние дни стало, вдобавок, еще голодно. Жители соседних становищ растаскали все мясо убитого охотниками нашего становища молодого кита. На прибрежной отмели лежал только его громадный скелет, у которого постоянно дрались собаки.

Наконец наступил долгожданный штиль. Установилась ясная, солнечная погода. На третий день, на рассвете, все жители становища радостно встречали своих американских родственников, низкорослых, веселых эскимосов с Аляски.

Были вытащены припрятанные на этот случай последние куски китового жира и мерзлое моржовое мясо. Весь день прошел в разговорах и расспросах, как живут люди на Кыгмальской земле*), кто женился, кто родился, кто погиб на охоте.

После ужина все сели вокруг жаркс горевших каменных светилен и слушали рассказы веселого, подвижного малемута Инука о чудесах, которые он видел в городе Номе и далеком Фриско**), в котором побывал прошлой осенью на китобойном корабле.

На улице бушевала поднявшаяся перед вечером снежная пурга, а во внутреннем пологе яранги было так жарко, что все обитатели яранги, и мужчины, и женщины, и дети, скинули меховые кукашки *) и сидели голые по пояс

Инук рассказывал, что колдовство белых в Кыгмальской земле с каждым годом становится все более и более могущественным.

---

*) Кыгмальская земля — Аляска. Америка.

**) Фриско — Сан-Франциско

*)меховые рубашки из оленьих шкур.

Бородатые мореходы *) давно уже летают по воздуху в огромных железных птицах, плавают под водой, ездят в своих городах под землей. Белые научились похищать голоса у людей и запирать их в маленькие железные ящики-ловушки. Это страшное, демонское искусство. Человек может давно умереть, а его украденная тень, его похищенный голос все еще будут двигаться на полотне или стене дома, говорить и петь.

— Да, это страшное искусство, — покачав головой, сказал Нуват, сын Эйгелина, бывшего при царе королем вольных чукчей **) — Это искусство не от Бога, а от злых келетов. Белые, в своем ослеплении, хотят стать сильнее Творца мира. Неужели они не понимают, что вызванные ими силы смогут вырваться из их власти и погубить их.

— Они не понимают этого, Нуват, — оскалив белые зубы, покачал головой Инук.— Наши старики совсем не узнают бородатых мореходов. Они словно сошли все с ума. А как Ваши белые люди?

— Наши тоже, — грустно вздохнул Нуват.

---

*) Американцы.

**) Это, как и многое другое в этой книге, не является вымыслом. См. например, очерк знаменитого этнографа Тан-Богораза «В огне", в котором он упоминает об Эйгелине Первом.

— Уже двенадцать лет подряд, как они убивают друг друга. Сначала они убивали чужих людей, которые хотели отнять у них землю. Потом убили своего старшего вождя — царя, а затем стали убивать друг друга. Брат убивал брата, отец убивал сына, сын убивал отца, а потом у них наступил голод, и они ели друг друга, как дикие звери. Дети ели матерей, матери ели детей. И, все-таки белые люди считают, что они живут лучше нас и умнее нас.

Перед тем, как ложиться спать, Нуват встал, и, подойдя к входному пологу, громко проговорил заклинание против злых духов, охотящихся по ночам за человеческими душами:

—...Ночь наступает. Я ставлю белых медведей по обеим сторонам входа в яранг у. И говорю им: «Вы велики и свирепы. Ничего не может с нами случиться, когда Вы сторожите нас". Если келеты приблизятся, медведи кинутся на них, так как они свирепы. Посреди медведей старая маленькая женщина с железным бичом. Она машет всю ночь железным бичом и оттоняет келетов. Две белых полярных совы с железными крыльями и когтями сторожат вход в ярангу. Если келет захочет войти в ярангу, они накинутся на него и выклюют ему глаза.

— А, Гук!

— А, Гук! ...

В тот момент, когда Нуват, кончив свое заклинание, пополз к своему спальному пологу, кто-то, стоявший снаружи, схватил входной полог и с силой потянул к себе, так что яранга затряслась. Но полог был изнутри завязан, и неведомый пришелец не мог его открыть.

Инук с испугом уставился на полог, который кто-то молча, со страшной силой, продолжал тянуть к себе.

— Кто там? — дрожащим голосом воскликнул тесть Нувата, эскимос Тевлянто. — Если ты человек — входи, если ты келет, то мы ограждены заклинаниями, против которых у тебя нет силы.

— Да развяжите же полог, — стараясь пересилить рев пурги, закричал по чукотски неведомый пришелец.

— Откуда ты взялся в такую позднюю пору? — с недоверием крикнул ему Инук.

— Я только что пришел на байдаре с Малого Диомида*).

— В такую пургу?

— Да, в такую пургу. Да, развяжите же, наконец, полог!

Но Инук, прежде чем развязать полог, повторил свои вопросы на ломаном английском

*) Принадлежащий Америке остров, посередине Берингова пролива. Через несколько километров лежит Большой Диомид, принадлежащий СССР.

языке. Только получив ответ по-английски, он убедился, что это не келет и одним движением распустил петлю от входного полога. Это был самый верный признак. Злые духи чукчей и эскимосов, что известно каждому эскимосскому малышу, не говорят ни по-русски, ни по-английски.

В ярангу, нагнувшись, влез крепкий, хорошо сложенный мужчина, лет тридцати с небольшим, с проницательными голубыми глазами. Он представлял из себя ледяную статую, а не человека. Желтая камлейка из китовых кишек, штаны из оленьих шкур, меховые нерпичьи сапоги—все было покрыто на несколько сантиметров льдом. Мужчины бросились стягивать с ночного пришельца его ледяную одежду.

Это был Аристарх Орлов.

— Я тебя знаю, — сказал ему Инук, когда Аристарх Орлов, поев китового жира, закурил трубку. — Я видел тебя в Номе, когда ты ходил по берегу и искал человека, который бы продал тебе хорошую одиночную байдару... Так ты один перехал залив?

— Один.

— Зачем ты выехал с Большого Диомида в такую пургу?

— Пурга меня захватила в дороге, когда я был уже в семи милях от Малого Диомида. Найти остров в такую пургу труднее, чем Большую Землю, и я решил плыть вперед.

— Смелое Сердце, — с удивлением сказал Нуват, подвигая пришельцу поближе каменную чашу с мороженым моржовым мясом. — Ешь больше, ты много потратил сил на борьбу с морем.

Поев, Аристарх спросил Нувата, почему он перестал быть королем.

— Я не хочу, чтобы твои родичи убили всех моих родичей, как они убили своего царя и его всех родичей.

— А кто сейчас вами правит?

— Милиционер Пяткин.

— Где он живет?

— В Уэллене.

— Хороший человек?

— Хороший. До него был милиционер Васька, тот был совсем плохой человек. Сколько раз к нему ездили старики просить, чтобы он позволил сыновьям убить их, так он не позволял. Нельзя говорит, нету такого закона.

— Как, говорим, нету? Вы уже двенадцать лет друг друга убиваете. Наши старики сами хотят умереть. Стары стали. Пищу добывать сами не могут. Пора в другую страну, к Творцу мира итти. Так и не разрешил, бешеная собака.

— А Пяткин разрешает?

— Пяткин разрешает. Тевлянто вот поехал неделю назад, сказал ему, что я не хочу больше жить, так он только спросил: „У вас

закон такой есть?»—«Да,— ответил Тевлянто — такой закон есть.“ Тогда Пяткин сразу сказал: „Коли закон есть, так и убивайте“.

—Когда же ты хочешь уйти в страну творца мира? — спросил Аристарх.

— Когда Инук соберется плыть обратно на Кыгмальскую землю. Он отправит меня к предкам, — сказал Нуват.

— А если бы нашелся человек, который перед смертью взял бы у тебя власть, ты бы передал ему ее?

— Передал бы, — не раздумывая, ответил Нуват, — когда я был вождем у чукчей, а у вас был царь — было все ясно. Теперь ничего не поймешь, сегодня один начальник, завтра другой.

— Я боролся за царя, — придвинувшись к Нувату, сказал Аристарх — я желаю людям добра, и русским, и чукчам. Мне нужна будет помощь чукчей для одного важного дела. Скажи им, — Аристарх кивнул на сидевших в яранге — что, уходя в другой мир, ты оставляешь меня тойоном *) и приказываешь им во всем повиноваться мне.

Нуват долго, пристально смотрел в глаза Аристарха, затем положил ему на голову руки, обвел взглядом сидящих в яранге мужчин.

— Уходя в другой мир, передаю ему власть,

*) тойон — вождь, князь.

— сказал он. — Повинуйтесь ему. Передайте это всем чукчам.

Нуват снял с пояса нож в богато разукрашенных резьбой ножнах из мамонтового клыка, передал его Аристарху.

— Возьми. От меня память.

Аристарх привязал нож Нувата к своему поясу и, поднявшись во весь рост спросил нас:

— Знаете теперь, кто я?

— Знаем, — ответили все бывшие в яранге чукчи.

Так Аристарх Орлов стал Аристархом Первым, последним королем вольных чукчей.

Глава семнадцатая

В которой объясняется, как Аристарх Орлов отправил старого короля чукчей Нувата в страну Творца мира

Нуват умер торжественно, как подобает умереть подлинному повелителю людей. Произошло это на седьмой день после того, как Аристарх переехал на кожаной байдаре Берингов пролив в снежную бурю.

В полдень Инук, от руки которого хотел умереть Нуват, собирался отплыть обратно на Аляску, и переселение Нувата в иной мир должно было состояться с первыми лучами солнца.

Еще затемно все мужчины, которых пригласил Нуват на свою смерть, собрались на конце мыса. Серая мгла висела над землей, с которой добровольно уходил старый вождь.

Внизу, у краев отвесных скал, глухо ревело во тьме Берингово море. Признаюсь, что у меня было такое впечатление, точно мы находимся на краю земли.

Я уверен, что старый Нуват не знал замечательную индусскую пословицу, гласившую: „Когда ты явился на свет, ты плакал, а кругом все радовались; сделай так, чтобы, когда ты будешь покидать свет, все плакали, а ты один улыбался“.

Но не зная индусской пословицы, он встретил добровольную смерть именно так, как предписывали индусские мудрецы.

Лица чукчей, и азиатских и американских эскимосов, родственников и друзей, были суровы, все хранили торжественное молчание. Сам же Нуват, сидевший рядом с Аристархом, на ковре из серебристой нерпы, отороченной по краям горностаевым мехом, все время шутил с ним, добродушно смеялся на ответные шутки Аристарха видимо совершенно не думая, что произойдет через несколько мгновений, когда первый луч взошедшего над Беринговым морем солнца прорежет утренний туман.

— Тевлянто, — сказал Нуват после того, как я уйду от вас, ты не вздумай обмануть его. — Нуват кивнул головой на Аристарха. — Я знаю, что ты немного скуповат, Тевлянто. Ты не вздумай оставить себе мои двенадцать нарт, в которых хранятся шкуры голубых песцов, клыки мамонтов. При всех я говорю тебе, не вздумай оставить у себя все мешки с русскими и американскими золотыми деньгами, которые накопили за триста лет мои предки.

Тевлянто смущенно улыбался шуткам своего тестя и каждый раз отвечал:

— О, нет, на этот раз я не буду скупым. Я отдам ему все, что ты скажешь.

— Вот и хорошо, — смеялся в ответ Нуват. — Ты отдай ему еще 25 тысяч оленей, которые пасет сейчас на побережьи Пенджинского залива коряк Лагур.

— Разве у него твои олени?

— Мой прадед отдал его прадеду сто штук оленей, когда у него от копытницы погибли все олени. По закону предков он должен отдать взятых сто оленей и весь приплод за все время, которое прошло с тех пор. Ты скажешь, чтобы Лагур отдал их ему. — Нуват указал пальцем на Аристарха. — Он рассказал мне вчера все. Ему нужно много, много денег. Так смотри же, Тевлянто, не обманывай его, а то я приду к тебе из Страны Теней и, когда ты будешь спать, отдам твою душу на съедение келетам

Наступал рассвет. Нувату оставалось жить лишь несколько мгновений. Когда багряный луч солнца вырвался сквозь клубившийся над морем туман, старый Нуват встал, оглянулся на тундру, яранги, покрытое туманом море. В одном месте туман разорвался, и показался кусок багряно-золотого неба. Не был ли это вход в Страну Теней, в которую должна была улететь через несколько мгновений душа старого вождя

Нуват снова сел и подал стоявшему около ковра Инуку легкое старинное копье с каменным наконечником

— Бей, — коротко сказал он. — Приходит последняя битва моей жизни. Бей! Пора!

Инук взял копье, приставил его к груди, одетого в смертную белую кухлянку, Нувата. Нуват, улыбаясь, глядел Инуку в глаза.

Инук не выдержал взгляда Нувата. Опустив копье, он глухо сказал:

— Не могу. Ушла сила из рук.

— Бей, — повелительно сказал Нуват. — Исполни мою последнюю волю. — Человек должен умирать бойцом. Бей.

— Не могу, — проговорил Инук, бросая копье на ковер.

— Кто убьет меня? — проговорил Нуват, обводя вопросительным взглядом стоявших полукругом мужчин.

Эскимосы и чукчи хранили мертвое молчание.

— Рыбья шелуха, — презрительно сказал Нуват. — Гнилые китовые позвонки.

Нуват поднял брошенное Инуком копье и молча подал его Аристарху. Аристарх принял копье. Встав, он приставил каменное лезвие к левой половине груди Нувата. Нуват схватил руками копье посередине.

— Бей, — произнес он с улыбкой, глядя в лицо Аристарху. — Пусть новый вождь убьет старого. Так хорошо.

Коротким, сильным ударом Аристарх вогнал копье в сердце Нувата.

Нуват, отрывисто вздохнув, тихо склонил свою голову на древко копья. Аристарх выпустил из рук копье и гневно сказал:

— Обычаи предков должны выполняться. Они сильнее закона. Племя, народ, презревший законы предков, гибнет. Никогда не забывайте этого.

Глава восемнадцатая

О том, что делал Аристарх, когда мы жили в Земле Смерти, на реке Омолон

Было уже далеко за полночь. Толстяк японец уже несколько раз нетерпеливо заглядывал в кабинет, надеясь заметить признаки нашего скорого ухода. Но Сусанин и Вавилонов, которого мое повествование настолько заинтересовало, что он совершенно перестал обращать внимание на стоящий на столе графин рисовой водки, были намерены дослушать мой рассказ до конца во что бы то ни стало.

— Ну, прямо, как в сказке, — пожал плечами Вавилонов, когда я рассказал о том, как Аристарх убил Нувата. — Захочешь нарочно придумать, так не придумаешь.

Постукивая в раздумьи пальцами по краю столика, Сусанин сказал:

— С начала двадцатого столетия жизнь стала ткать такой фантастический узор, что действительность приобретает какой то ирреальный характер. Ну, это большая, особая тема. Платон, расскажите хотя бы коротко, зачем понадобилось Аристарху стать чукотским королем?

— Затем же, наверное, зачем и Вы стали вождем тибетцев, — сказал Вавилонов.

— Ах, нет, у меня история гораздо более прозаическая. Я стал вождем, чтобы облег-

чить исследование флоры и фауны неизвестного района Тибета.

— Да, где, между прочим, живет Ваше племя? — поинтересовался Вавилонов.

— Недалеко от верховий рек Брахмапутра и Салуэна, там где Тибет сходится с Бирмой. До того, как я проник в этот район, о моих теперешних подданных рассказывали что они будто бы приручили носорогов и возят на них стволы благовонных деревьев. Но не будем [illegible] продолжайте.

И я принялся рассказывать дальше:

... «Через несколько дней после добровольной смерти Нувата, дождавшись сильной пурги, мы со всеми жителями стойбища покинули побережье Берингова пролива. Пурга замела наши следы, и никто из жителей окрестных чукотских и эскимосских стойбищ ничего не мог сказать прибывшим летом с Камчатки на пароходе агентам ГПУ которые были посланы расследовать таинственное исчезновение целого чукотского поселка. Но, несмотря на все старания, агентам ГПУ ничего не удалось узнать, и они уехали обратно в Петропавловск ни с чем.

Как мы узнали позднее, начальник Камчатского ГПУ Сурков писал в Москву рапорт, в котором он не соглашался с рассказами эскимосов и чукчей о том, что яранги, стоявшие у края скал, вероятно, сильным порывом пурги сбросило в море.

Сурков склонялся более к мысли, что все жители стойбища были ограблены экипажем какой-нибудь небольшой американской шхуны из числа тех, что постоянно шныряют у советского побережья, занимаясь контрабандной скупкой пушнины и мамонтовых клыков у эскимосов и чукчей.

«Это тем более вероятно, сообщал Сурков, что, как мне удалось узнать у эскимосов, семья бывшего чукотского вождя Нувата имела огромные запасы мехов и русских и американских золотых монет. Ограбив жителей стойбища, контрабандисты, чтобы скрыть следы преступления, сбросили затем, вероятно, все, и яранги, и трупы, и собак, с утесов в море. Удивительно, однако, только то, замечал Сурков, что, несмотря на самое тщательное обследование побережья, на протяжении 50 миль нами нигде не было обнаружено ни трупов людей, ни трупов собак, ни каких-либо предметов туземного обихода"

„Может быть, конечно, делает осторожную оговорку в конце донесения Сурков, что жители стойбища, учитывая их непролетарское происхождение, оказались нелояльными к советской власти и уплыли на Аляску"

Но на самом деле, ни первая, ни вторая, ни третья версии не отвечали действительности. С побережья Берингова пролива за 14 переходов мы добрались до обширной Земли Смерти в истоках реки Омолон. Там мы поставили

яранги и прожили все время до той поры, пока Аристарх не решил, что все, что нужно было сделать — нами было сделано, и наступило время покинуть пределы Советского Союза.

Это было странное, жуткое путешествие.

Покинув побережье Берингова пролива, мы ночь, день и всю следующую ночь, делая только короткие привалы, все время двигались на собаках, в бушующем снежном урагане, вслед за передней нартой, на которой ехал Тевлянто.

Дождавшись следующей пурги, мы двинулись дальше на запад. Через три недели мы поставили яранги на высоком берегу широкой реки. На другом берегу виднелось около десятка полуразвалившихся юрт.

— Туда нельзя ходить, — сказал мне Аристарх. — Это река Омолон. Мы находимся в Земле Смерти. Это поселок мертвых. И все поселки, которые разбросаны по этой реке, также населены одними скелетами. Жители вымерли здесь от какой-то эпидемии еще в царствование императрицы Анны Иоанновны, и уже около двухсот лет здесь не ступала нога человеческая. Туземцы, да и местные русские, боятся посещать это царство смерти. Они боятся заразиться от мертвецов и умереть. Об этих поселах ходят самые фантастические рассказы.

Позже, нарушив запрещение Аристарха, я

несколько раз посещал эти жуткие селения мертвецов. Так мрачно будет выглядеть земля, когда в силу какой-нибудь катастрофы на ней прекратится жизнь.

В бревенчатых юртах, в кожаных и берестяных шалашах, в разных позах, кого как захватила смерть, лежали и сидели скелеты мужчин, женщин и детей. Мертвое молчание царило в селениях. Только изредка угрюмо каркал ворон, да раздавался лай песцов.

Стоило ткнуть ногой юрту, как она разваливалась. Внутри юрт лежали каменные топоры, ножи и копья. Прошло, наверное, не менее двух столетий, как в этих юртах в последний раз был слышен человеческий голос.

Как только начиналась пурга, мы запрягали собак и шли вверх по течению Омолона на юг. Ни зги не было видно, ни передних, ни задних нарт. Так шли мы [illegible] за часом, бесконечно долго. Терялось всякое представление о времени и пространстве... А когда мы, наконец, останавливались, и пурга переставала, кругом нас опять были юрты и стойбища, населенные нивесть когда умершими мертвецами.

Однажды Аристарх высказал догадку, что может быть в этих поселках некогда жил легендарный народ Омоки, исчезнувший из Полярной Сибири неизвестно куда вскоре после прихода русских.

Поселившись в Земле Смерти, занимав-

шей по обеим берегам реки Омолон громадное пространство в тысячи километров, мы оказались в полной безопасности.

Пользуясь этой безопасностью, Аристарх, с помощью посвященных в наше дело русских и чукчей, азиатских и американских эскимосов, проделал громадную работу.

— Что же Вы сделали? — спросил Вавилонов. — Секрет это или нет?

— Был создан Ц.Ш.Н.С., по всей стране была создана нелегальная сеть Б. Р. Д. С. В., бюро Б. А. А., ячеек С.О.С.Ж. и многие другие нелегальные организации.

Агенты „Всевидящего Ока" сбились с ног, ища организаторов и руководителей ни на минуту не прекращавшегося ожесточенного сопротивления народа. Принимались все более строгие меры к охране границ на западе, юге и востоке. И никому не приходило в голову, что Штаб Сопротивления находится в Земле Смерти на реке Омолон.

Вот и все, что на этот раз я могу рассказать о деятельности Аристарха во время нашего пребывания в Земле Смерти".*)

---

*) Подробно об этом говорится в первой части моих мемуаров: „Чукотский король Аристарх Первый", которые в настоящий момент, в силу политических причин, я, к сожалению, не могу еще опубликовать Б. Б.

Глава последняя
В которой мы оказываемся на пороге какой-то новой тайны

Когда мы пришли в отель „Ориент", было уже без семи минут пять часов утра. Аристарх еще не спал. Услышав, что мы пришли, он крикнул:

— Платон, зайди ко мне.

— Через три минуты, — сказал Аристарх — за мной приедет с аэродрома автомобиль. В 10 минут шестого я улетаю на аэроплане в район Трехречья.*)

— Зачем?

— Сегодня ночью границу переходят два члена Ц.Ш.Н.С., которые организуют сопротивление новой дьявольской затее диктатора. Народ несомненно окажет сильнейшее сопротивление. Будут снова миллионы жертв.

— Что должен делать я?

— Завтра в пять часов утра из Сингапура на гидроплане вылетит человек, которого я жду. Через каждые 15 минут тебе по телефону будут передавать радиограммы, посланные с борта самолета. Если произойдет задержка в поступлении радиограмм, ты позвонишь по телефону № 5-78-64 и вызовешь господина Мацуоки

*) Местность вдоль Советско-Манджурской границы, населенная русскими колонистами.

— Что я должен сказать ему?

— Когда Мацуоки подойдет, ты скажи ему японскую пословицу: „Слепой не видит ползущей на него змеи"

— И что еще?

— Больше ничего, Мацуоки знает все.

Придя к себе в номер, я раскрыл настежь окна. Радостно майское солнце плыло над просыпающимся Харбином. Дурманящая теплынь манджурского всеннего утра ворвалась в комнату. Несколько мгновений я постоял у открытого окна, слушая, как бой-китайченок, вытряхивавший во дворе отеля ковер, звонко пел безбожно коверкая русскую песнь:

Ехала с ярмарки ухара купеза,
Ухара купеза, да шибко молодеза.
Заехала лошадака
В деревню во-ду пи-и-и-ть!

Начиналось только второе наше утро в Манджурии, а жизнь уже ставила нас снова лицом к лицу с новыми тайнами, сулившими новые опасности и новые приключения. Это было неизбежно.

С нами был Аристарх.

А там, где был Аристарх, там всегда была жизнь, полная приключений.

Конец первой книги.

„СЛАВЯНСКАЯ КНИГА“
G. m. b. H

Мавринская ● **Тамарцев**

München 8, Lucile-Grahnstraße 36
Fremdsprachen-Institut Mawrizki
„Slawisches Buch“

Большой выбор

ЛУЧШИХ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

Высылаем во все страны

В Западные зоны Германии книги высылаются наложенным платежом. Денег вперед не высылайте. Вы уплатите почтальону при получении посылки с книгами.

Уезжающие из Германии могут внести деньги авансом в

Bayerische Bank für Handel und Industrie
(München, Promenadeplatz 7) Konto 67184

Адрес и фамилию просим писать четко.
О перемене адреса сообщайте своевременно.

УЕЗЖАЯ ИЗ ГЕРМАНИИ

— В —

Бельгию,

Англию,

США,

Южную Америку

не забудьте внести аванс на текущий счет фирмы

«СЛАВЯНСКАЯ КНИГА»

Это даст Вам возможность получать газеты и книги в любой стране.

Деньги переводить по адресу:

Bayerische Bank für Handel und Industrie (München, Promenadeplatz 7) Konto 67184

Или по адресу фирмы.

При заказе обязательно укажите какие книги и газеты Вы хотите получить.

Книги и газеты будут высланы сразу по получении заграничного адреса.

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ БОРИСА БАШИЛОВА

„В МОРЯ И ЗЕМЛИ НЕВЕДОМЫЕ“

Историческая повесть, в которой описаны поиски русскими мореплавателями легендарной земли Жуана де Гама в Тихом океане. Книга богато иллюстрирована художником К. Кузнецовым.

Цена 15 марок.

„ЮНОСТЬ КОЛУМБА РОССИЙСКОГО“

Историческая повесть, изображающая юность покорителя русской Америки, организатора знаменитой Российско-Американской Компании Григория Шелихова.
В книге 12 иллюстраций худ. К. Кузнецова.

Цена 8 марок.

Из-во «Глобус»